

Николай Гордийчук
«НАЛАДИЯР»: АНТОЛОГИЯ ДЖАЙНСКОЙ
ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Одно полустиише, услышав которое становятся спокойными,
лучше тысячи стихов, составленных из бесполезных слов.
«Дхаммапада», пер. В.Н. Топорова

Не допытывайся, каков идущий путем дхармы. Подобен он
несущему паланкин и сидящему в нем.
«Тируккурал», пер. Ю.Я. Глазова

Легенда гласит, что однажды во время сильного голода восемь тысяч джайнских монахов нашли пристанище в древнем городе Мадураи у тамильского царя из династии Пандьев, где и прожили несколько лет. Когда беда миновала, они попросили разрешения покинуть двор, однако царь ответил вежливым отказом. Тогда монахи ушли тайно, но каждый из них в благодарность оставил царю по пальмовому листу с назидательным стихом. Царь, однако, очень обиделся на монахов, и в гневе приказал бросить рукописи в реку Вайхей. Однако не все пальмовые листья унесла река: некоторые, согласно преданию, чудесным образом стали плыть против течения, что послужило доказательством мудрости и глубины записанных на них стихов. Тогда рукописи выловили из воды — так появилась поэтическая антология «Наладияр» (*nālaḍiyār*, «четверостишия»), сборник из 400 стихов (401, если считать вместе со вступительным стихом), написанных стихотворным размером венба (*veṇṇā*).

К VII–VIII вв. н.э., когда предположительно был создан «Наладияр», в Южной Индии уже существовала большая и сильная джайнская община, обладавшая разветвленной сетью монастырей по всему Тамилнаду — в Паталипутре (в округе Южный Аркот), Пухаре, Урапуре, Мадураи и ряде других мест. Традиция сохранила для нас историю о расколе внутри общины, в результате которого часть монахов во главе с Бхадрабаху покинула исконное обиталище в Магадхе и перебралась в Карнатаку еще в IV в. до н.э. Эпиграфические надписи, сделанные тамильским вариантом письма брахми, в пещерах джайнских аскетов на территории современного Тамилнаду, датируются II–III в. до н.э. В древнейшем поэтическом корпусе на тамильском языке, так называ-

емой «литературе санги», создававшейся в период с I по V века н.э., содержится ряд упоминаний джайнов. В поэме «Мадураикканьджи», есть сцена, в которой джайны-миряне (*cāvakar* < санскр. *śrāvaka*) подносят монахам цветы и благовония. Упомянутая в литературе санги практика *vaṭakkiruttal* (букв. «обращение на север»), представляющая собой обет добровольного отказа от принятия пищи и доведения себя до голодной смерти, соотносится с аналогичным джайнским обрядом *sallekhana*. Возможно, что и популярная поэтическая тема бренности и непостоянства человеческой жизни (*kāñcittiṇai*) также возникла под влиянием учения Джини Махавиры.

Сильным влиянием джайнизма отмечена и поэма «Повесть о браслете» (*cilappatikāram*), созданная, скорее всего, примерно в ту же эпоху, что и «Наладияр». Один из ключевых персонажей «Повести о браслете» — джайнская монахиня Кавунди, которая показывает главным героям путь в Мадураи, куда направляется и сама с целью послушать благочестивые проповеди; а все произошедшие с главными героями злоключения — объясняются в поэме с помощью учения о карме, которое играет определяющую роль в мировоззрении джайнов. Позднее, в VIII–IX вв. авторами-джайнами создаются поэмы «Нилакеси» (*nīlakēci*) и «Приключения принца Дживаки» (*civakacintāmaṇi*), в которых религиозные и философские доктрины джайнизма излагаются весьма развернуто, а само развитие повествовательного сюжета становится своеобразной иллюстрацией к их дидактическому содержанию¹.

«Литература мудрости», сборники гномической поэзии, нравоучительных афоризмов, максим, коротких и емких изречений традиционно пользовалась в Индии большой популярностью. Объем подобной литературы на санскрите и пракритах очень велик, а ее лучшие образцы — такие как буддистская «Дхаммапада» или «Шатакатраям» Бхартрихари — по праву считаются литературными шедеврами. Множество произведений в сходных жанрах было создано и на тамильском языке; часть из них (в том числе и «Наладияр») составляет корпус текстов, известных как *Paṇṇēṅkīḷkaṇakku*, что буквально означает «Восемнадцать [антологий] низкого счета» и можно понять в смысле «менее значительных антологий» или же «антологий малых поэтических форм». Все эти антологии, которые часто именуют «этической литературой», создавались во второй половине I тысячелетия нашей эры под сильным влиянием джайнизма и буддизма, северной индоарийской культуры, санскритской поэтики и мифопоэтических образов. В этом корпус «этической литера-

1 Более подробно о джайнах в Тамилнаду см. в статье Н. Железновой, опубликованной в настоящем издании.

туры» существенно отличается от более древней тамильской поэзии, условно объединенной в корпус *Paḍiṇṇemēṟkaṇakku*, т. е. «Восемнадцать [антологий] верхнего счета», и известной также как «литература санги» (I–V вв. н.э.).

«Наладияр» — несомненно, очень значительное произведение, считающееся одним из шедевров классической тамильской литературы. Интерес читателей к нему, по всей видимости, не угасал с самого момента создания: стихи из «Наладияра» приводятся в качестве примеров в средневековых грамматических трактатах, на «Наладияр» было составлено несколько средневековых и большое количество современных комментариев, он многократно переводился на английский и другие европейские языки. «Наладияр» — неотъемлемая часть литературного канона «тамильской классики», произведение из школьной программы.

Среди дидактической литературы на тамильском языке превосходит «Наладияр» по популярности, пожалуй, только «Тируккурал» (*tirukkural*, «священные двустушия») поэта Тируваллуvara (V–VI вв.), еще один сборник афоризмов, входящий в состав «антологий низкого счета», и являющийся, вероятно, самым известным произведением тамильской литературы. У этих двух произведений немало общего: некоторые четверостишия «Наладияра» скрыто или явно цитируют «Тируккурал», обе антологии имеют общую композиционную структуру, тематика многих глав совпадает (названия 25 из 40 глав «Наладияра» повторяют названия глав «Тируккурала»). Как и «Тируккурал», «Наладияр» разделен на три части, соответствующих популярной древнеиндийской доктрине о трех целях человеческой жизни (*trivarga*) — дхарме (религиозный долг), артхе (материальная выгода) и каме (чувственные наслаждения); часто к ним добавляли четвертую — мокшу (конечное освобождение), но в структуре обеих дидактических антологий ее нет. Внутри разделов стихи разделены на главы (*pattu*, «десяток»), посвященные более узким темам. Размер частей неодинаков: «Раздел дхармы» (*arattuppāl*) в «Наладияре» составляет 130 стихов: из них первые 70 стихов посвящены дхарме монаха (*turavaraviyal*), а оставшиеся 60 стихов — дхарме мирянина (*illaraviyal*); «Раздел артхи» (*porutpāl*) состоит из 240 стихов, а «Раздел камы» (*inṇaviyal*) — всего из 30 стихов (в большинстве изданий — 10 стихов, так как две предпоследние главы в них относят к разделу артхи). При этом стоит отметить, что содержание некоторых стихов не вполне соответствует тем главам, в которые они помещены, а сама концепция «трех жизненных целей» играет важную роль в индуизме, но никак не в джайнизме. По всей видимости, трехчастная структура и распределение стихов по главам не являлось частью замысла авторов

«Наладияра», а стало результатом работы более поздних составителей и комментаторов антологии, которые стремились организовать ее по образцу «Тируккурала».

Точная датировка создания самого «Наладияра» вызывает споры. Следует отметить, что антология содержит достаточно разнородный материал. Во многих стихах упоминаются индуистские мифологические образы и представления, что отражает сложный процесс формирования антологии. «Наладияр» как сборник мог складываться в течение длительного времени, вбирая в себя популярные назидательные стихи в форме четверостиший, не только авторов-джайнов, пока его состав не был закреплен редактором, жившим несколькими веками позднее создания «ядра» сборника. В «Наладияре» очень много индоарийских заимствований как на уровне языка, так и на уровне используемых образов. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что «Наладияр» был создан в более позднюю эпоху, чем корпус классической «литературы санги», и скорее всего, позднее, чем «Тируккурал». В стихах 200 и 296 «Наладияра» упоминаются некие *muttaraiyar* (букв. «владыки трех земель»), которых можно отождествить с незначительной феодальной династией Муттараяров, с VII по середину IX вв. н.э. контролировавшей территории в районе Танджавура (их упоминания сохранились в эпиграфических надписях, которые можно датировать с высокой точностью). Однако другие имена царей в «Наладияре» не встречаются, и, в целом, упоминание этих мелких феодалов не очень согласуется с общей стилистикой памятника. Более вероятным кажется, что «владыки трех земель» — это цари трех больших древнетамильских царств: Чола, Чера и Пандья, но такая информация не может помочь в датировке сборника. В поэзии шиваитских святых *наянаров*, в особенности у Аппара и Самбандара, живших в VII в., содержится множество следов интенсивной полемики с представителями джайнизма, а также свидетельств большого влияния, которое джайны имели в Южной Индии того времени. Поэтому кажется весьма вероятным, что и «Наладияр» был создан примерно в ту же эпоху. Ваяпури Пиллей датировал антологию последней четвертью VII века или более поздним временем [Vaiyapuri Pillai 1956: 89], и с этой оценкой можно согласиться; во всяком случае, с определенной уверенностью можно утверждать, что «Наладияр» был создан примерно в VII–VIII вв.

В «Наладияре» очень сильны мотивы и темы, характерные для религиозного мировосприятия джайнов — разочарованность в соблазнах мирской жизни, осознание ее скоротечности, недолговечности всех радостей и очень остро ощущаемая близость и неизбежность смерти. Подвергнутые

холодному и беспристрастному анализу, своего рода «взгляду с точки зрения вечности», любые удовольствия или иллюзии — будь то богатство, юность или женская красота — теряют свою притягательную силу в глазах поэта, с неизбежностью логического силлогизма в буквальном смысле обращаясь в ничто:

Те, кто сидя вкушали шесть яств, подносимых женой,
И отвергали добавку — однажды нищими
Пойдут выпрашивать рисовую похлебку.
 Если так, никакое богатство
Нельзя считать существующим.

А.М. Пятигорский писал: «В Наладийяре перечисляются все привлекательные вещи в человеческой жизни и то неприятное и тяжелое, что противостоит этому привлекательному, являясь по отношению к нему результатом процесса. При этом Наладийяр рекомендует устраниваться от первого, имея в виду неизбежность второго» [Пятигорский 1962: 18–19]. Коль скоро юность не может длиться вечно, наилучшим выходом является монашество с детских лет (практика, существующая в буддизме и джайнизме). Зачем соблазняться молодой красавицей, если она все равно станет старухой? Зачем жениться, если в звуках свадебного барабана уже слышен голос барабана погребального? Зачем копить богатства, которые так легко утратить? Ведь все это не помогает спастись от смерти.

Авторы «Наладияра» как бы преследуют любую иллюзию и возможный самообман человека, уничтожая все его надежды и веру в ценности мирского существования и принуждая взглянуть «вглубь»:

Исчезли близкие, остыла [любовь] женщин,
Порвались узы дружбы. Загляни вглубь [себя]:
Есть ли в жизни какой-нибудь прок? [Услышишь] стоны,
Словно с тонущего корабля.

Основной метафорой, на примере которой развивается конфликт «внешнего», то есть обманчивого, и «внутреннего», «глубинного», «истинного» становится человеческое тело: его внешняя красота, рождающая соблазн, и отвратительные механизмы жизнедеятельности, скрывающиеся за ней. Ис-

тинная природа человеческого тела открывается лишь мудрецам, глупцы же продолжают заблуждаться, не понимая всего ужаса своего положения:

К горшку, в котором нечистоты плещутся
И вытекают сквозь девять мерзких отверстий,
Глупцы обращаются: «О, [красавица],
чьи пухлые руки украшены браслетами!»,
Глаза их ослеплены сверху натянутой темной кожей.

Реальность смерти для авторов «Наладияра» становится главным аргументом и конечной истиной, на которую опираются их рассуждения. Смерть подстерегает любого, наивно думать, что юный возраст может защитить от нее: «Ведь бывает, что не только спелый плод, но и неспелый // Падает [с дерева], будучи сорван сильным ветром». Смерть коварна и подстерегает на каждом шагу, она беспощадна и вездесуща; родившись, человек уже становится ее пленником, поэтому нельзя растрачивать жизнь на получение краткосрочных и бессмысленных удовольствий:

Уже убийцы поставили горшок и разожгли огонь,
А черепаха, не зная положения вещей, плещется в воде.
Такова же и радость тех, кто получает наслаждение в сетях этого мира,
Когда убийца, грозная смерть, уже поджидает случая схватить их.

В свою очередь постоянные мысли о смерти и осознание ее неизбежности, регулярная медитативная практика, напоминание самому себе о близком присутствии смерти, становится важной составляющей этики «Наладияра». Чтобы укрепиться на пути спасения от смерти, монаху необходимо созерцать смерть:

«Зубы [красавицы] — бутоны жасмина, жемчужины!» —
Разве позволю я неучам и глупцам смутить меня этой болтовней?
Увидев, как у всех на виду, зубы с костями гниют,
разбросанные на месте сожжения трупов,
Я буду оставаться праведным.

Рождение и смерть взаимосвязаны, и избавление от смерти возможно лишь через избавление от рождения, которые в свою очередь обусловлены

всеобщим и объективным законом кармы, связующим поступки, совершенные в предыдущих воплощениях с настоящим и будущим живого существа. В основе действия этого вселенского закона в художественном мире «Наладияра» зачастую лежит принцип подобия, сходства, метафоры: те, кто отламывал клешни и ел крабов — будет страдать от проказы и у него отвалятся пальцы, а те, кто сажал в клетки птиц — сам будет пленен врагами и обращен в рабство. Кармой объясняется и существующая социальная несправедливость: страдание достойных и успехи, преуспевание глупцов. Для человека, осознавшего существование смерти и ее связь со всеобщим законом причинно-следственных связей, в жизни не может быть ни радостей, ни удовольствий, а все его помыслы связаны с будущей жизнью. А единственной возможностью избежать трагического удела всех живых существ становится следование трудным, но спасительным «путем дхармы».

В то же время в «Наладияре» есть множество стихов, которые трудно связать с какой-либо определенной религиозной или философской системой, в этих стихах заключена скорее житейская мудрость, и они больше похожи на собрание пословиц и поговорок, чем на ученый трактат, в котором содержится стройное изложение какого-то религиозного или этического учения.

Стихи нередко имеют двухчастную структуру: в одной изложен тезис, в другой — иллюстрация к нему. Одна из частей близка к афоризму, другая (иллюстративная) — к пословице. Содержание многих стихов можно было бы описать с помощью логической классификации, которую разработал отечественный фольклорист Г.Л. Пермяков, исследовавший паремии (см. [Пермяков 2001]). Вот пример такого стиха:

Хотя сахарный тростник кусают и ломают, выжимая сок,
Он остается сладким. Благородные,
Даже если над ними насмеваются и оскорбляют,
В ответ не осквернят уста [грубостью].

Дидактическая максима здесь подкреплена ярким примером, который в отдельности представлял бы собой пословицу, занимающую следующее место в классификации Пермякова: группа «изменчивость — неизменность», подгруппа «изменчивость — неизменность отдельного признака», вариант «позитивные вещи никогда не изменяют своих свойств». В сборнике «Пословицы и поговорки народов Востока» можно без труда найти аналогичные по-

словицы: «Как ни мути родник, он все равно очистится», «Золото как не черни, черным не станет» [Пермяков 2001: 75].

Как и пословицы, отдельные стихи «Наладияра» вполне могут вступать в противоречие друг с другом. Например, контакт с носителем положительных свойств может привести к изменению собственных, а может и не привести:

Когда вода из городской канавы встречается с мощным потоком,
Она меняет свое название и [впредь] зовется *turtxой*.
Так же и лишённые благородного происхождения
будут возвышаться как гора,
Опираясь на благородных мужей великой славы.

Хотя родились в одном пруду и растут вместе,
Водяная лилия *амбаль* не сравнится с расцветшим *кувалеем*.
Хотя они и дружат с достойными, деяния
Недостойных [совсем] иные.

Другие стихи «Наладияра» соответствуют группам пословиц «однородность — неоднородность», «превращение — непревращение одной вещи в другую», «похожесть — непохожесть» и т. д.

Однако если пословицу можно рассматривать как знак некоторой ситуации и отношений между предметами в жизни (ее употребление всегда ситуативно и определяется коммуникативным контекстом), то в случае «Наладияра» денотат пословицы как знака помещен в текст самого стихотворения, и разгадывание соотношений между означаемым и означающим становится интеллектуальным и эстетическим удовольствием читателя.

На уровне антологии связь между совершенно разноплановыми явлениями — луной и благородными людьми, дружбой мудрецов и тенью после полудня, человеческим телом и стеблями сахарного тростника — создают целую систему переплетающихся мотивов, где одни и те же тезисы иллюстрируются различными примерами, а одни и те же образы обыгрываются с разных сторон и служат примерами для совсем разных тезисов. Утверждение, что дружба «низких» со временем ослабевает, а дружба «великих» лишь возрастает, в одном стихе иллюстрируется сравнением с тенью до и после полудня, а в другом — с прибывающим и убывающим месяцем. Образ молодого месяца в свою очередь используется для подтверждения тезиса о том, что благородные не должны нападать на слабых:

Увидев, что враги слабы, достойные и сами,
Смутившись, не нападают. Смотри!
Когда луна — [лишь] юный месяц, не приближается к ней
Неуязвимый, могучий Раху.

Но образ луны, которую проглатывает демон Раху, обыгрывается и с другой стороны — это пример благородного поведения, ведь другой стороной она продолжает освещать землю, исполняя таким образом свою дхарму:

Хотя одну [ее] сторону и захватил змей [Раху],
Другой она освещает широкую землю. — Луне подобно
Благородный не устает действовать должным образом,
Даже если стоит прямо перед несчастьями.

Еще один аспект образа луны — ее пятна, в которых в Индии видели очертания зайца — ему очень повезло находиться на луне, так же и подружившись с достойными благородными людьми, можно перенять часть их свойств и заручиться уважением окружающих:

Благодаря связи с сияющей луной
И заяц, [что находится] в высоком и прекрасном небе, почитаем.
Хотя и бесславны сами, но могут обрести славу,
Если удостоятся дружбы тех, кто [возвышается] как гора.

Правда пятна все-таки лишают луну совершенства, чем она отличается от мудрецов, которые стремятся быть безупречными:

Луна, светящая в широком небе,
И мудрецы — похожи, но на луне есть пятна.
Мудрецы же, если хоть одно появится,
Смутившись, его стирают.

Несмотря на большое сходство с санскритской дидактикой, в «Наладияре» активно используются и поэтические приемы, восходящие к традиции древнетамильской «литературы санги». Отдельного рассмотрения требуют обращения, которые содержатся более чем в 50 четверостишиях сборника. Значительная их часть адресована царю и вводит в стихотворение панегири-

ческую составляющую, используя при этом очень характерный прием классической тамильской литературы, когда герой прославляется через описание принадлежащей ему страны, в котором подчеркивается ее плодородие и другие положительные свойства (этот прием получил значительное развитие в жанре *ārruppaṭai*, «наставление на путь»). Упомянутые ландшафтные зоны и сам выбор лексики в обращениях являются явной реминисценцией древнетамильской системы поэтических тем-*тинеев* (*tiṇai*), представляющих собой сложную систему соответствий тематики стихотворения, его пространственно-временных характеристик и предметной детализации (флора и фауна)². Так, обращение к владыке побережья моря (*cērpṇan*) — реминисценция поэтической темы нейдаль, обращение к владыке страны гор (*malai nāṭan, verṇan*) соответствует теме курийнджи, «владыка лесной страны» — это тема муллей. Два других основных тинеев (марудам и палей) в обращениях не представлены, но аллюзии к ним также встречаются в тексте антологии.

Сами обращения представляют собой поэтические формулы с определенной метрической структурой, которые в разных стихах могут быть развернуты с разной степенью детализации. Рассмотрим этот механизм на одном примере. К формуле «владыка страны гор» (*malai/kunṇa/varai nāṭa*) могут добавляться эпитеты «высоких», «благих» «больших», «цветущих», «прохладных» (*nal/uyar/peru varai nāṭa, neṭuṇ/pūṇ/irṇ kunṇa nāṭa*). Она может разрастаться дальше и включать все больше подробностей, постепенно включая в себя небольшую сценку: «владыка страны гор, достигающих неба» (*vāṇṇōy malai nāṭa*), «владыка страны благих гор, обильных медом» (*tēmpaṭu nalvarai nāṭa*), «владыка страны гор, где повсюду на склонах высокие рощи сандала» (*arukellām cantāṇa niḷ cōlaic cāral malai nāṭa*), «владыка цветущей горной страны, где птицы пугаются золотых водопадов» (*porḱēḷ puṇal oluḱar puḷḷiriyum pūṇ kunṇa nāṭa*), «владыка страны цветущих холмов, где чистые потоки с собой [уносят] грязь» (*tellir puṇar cetumpu niṇṇalaikkum pūṇ kunṇa nāṭa*), «владыка страны горных склонов, где пасутся стада безупречных коров» (*palippil niraiyātā cēkkum neṭuṇ kunṇa nāṭa*). Проблема использования поэтических формул в древнетамильской поэзии была подробно рассмотрена в книге Кайласапати, который видел в этом признаки устной эпической поэзии [Kailasapathy 1968]. В «Наладияре» применение этих клише, восходящих к более древнему корпусу тамильских текстов, по всей видимости, является элементом своего рода стилизации.

2 Подробнее об этом см. [Дубянский 1989]

Обращение может даже занимать больше половины четверостишия, как в следующем несколько необычном стихе, где дидактическая иллюстрация становится частью обращения к царю:

О, владыка горного края, где молоденькая обезьянка
Похожими на бобовый стручок пальцами
Ущипнув отца, выхватывает и забирает себе [плод]!
Болезненна любовь к тем, кто не питает взаимности.

Интересно, что в большом количестве стихов, содержащих более или менее развернутое обращение, оно оказывается связанным с дидактической частью. Иногда эта связь устанавливается благодаря общему ключевому слову в обеих частях стихотворения:

Подобно тому, как из семян отборного *писа*
Вырастает [такой же] отборный *пис*,— О, владыка страны,
Где много полей отборного *писа*! —
Мудрость сына есть мудрость отца.

Иногда обращение содержит слово, которое, благодаря своим коннотациям, оказывается связанным с оппозицией в дидактической части:

Отказавшись от дружбы с мудрыми,
Дружить с глупцами,— О, царь горной страны, обильной медом! —
Все равно, что опорожнив сосуд с маслом, полученным от коровы,
[Наполнить его] маслом маргозы.

Масло маргозы — горькое, а сливочное масло считалось очень приятным на вкус, так же, как и мед, которым богата горная страна.

В случае более изящных намеков, понимание связи между двумя частями требует знания некоторых реалий или поэтического канона. Например, следующий стих становится понятным, если вспомнить, что сандаловое дерево знаменито тем, что долго и хорошо горит:

Дружба не имеющих привязанности — как горение соломы:
Ярко вспыхнув,— О, владыка горной страны,
Где на склонах повсюду растут сандаловые рощи! —
[Она] быстро затухает.

То есть имеется в виду, что раз в стране царя растут долго горящие сандаловые деревья, то и дружба его имеет противоположные свойства, чем та, которая сравнивается с коротким горением соломы. Таким образом, в обращении косвенно восхваляются и нравственные качества царя; а из дидактического четверостишия превращается в тонкий панегирик адресату послания.

* * *

Антология «Наладияр» многократно переводилась на английский и другие языки. Большой известностью, в частности, пользуется изданный в 1893 г. перевод Джорджа Аглоу Поупа [Pope 1893], британского миссионера и величайшего знатока тамильской культуры, который прожил в Южной Индии более сорока лет. Перевод снабжен развернутым предисловием, комментарием, словарем и полным конкордансом текста, что сделало его передовым исследованием своего времени, которое не утратило актуальности и по сей день. На русский язык первую часть «Наладияра», посвященную дхарме, перевел выдающийся философ и индолог Александр Моисеевич Пятигорский, включивший свой перевод в книгу «Материалы по истории индийской философии» [Пятигорский 1962: 22–51]. Целиком «Наладияр» переводится на русский язык впервые.

Черновой вариант этого перевода был выполнен мной под руководством моего дорогого и любимого учителя Александра Михайловича Дубянского еще в 2002–2003 гг. в рамках двух курсовых работ на кафедре индийской филологии ИСАА при МГУ, где я тогда учился. Потом я увлекся другими интересными проектами и очень долго не находил достаточно времени и сил, чтобы подготовить текст к публикации, а «Наладияр» ждал своего часа. Дорабатывая и редактируя свой старый перевод, я испытал много радости, вспоминая те отличные времена, когда мы сидели с Александром Михайловичем на кафедре и вместе читали этот текст. Мое чувство благодарности к нему очень велико.

Также благодарю доктора Виджаявенугопала (École française d'Extrême-Orient, Пондичерри), который в 2003 г. помогал мне с чтением трудных мест текста и познакомил со средневековыми комментариями к «Наладияру», и Дмитрия Олеговича Торшилова (РГГУ) — за ценные замечания и помощь в работе над стилистикой перевода.

Перевод выполнен по изданию *Nalaṭiyār urai vaḷam (mūlamum mūṇru paḷaiya uraikaḷum aṭaṅkiyatu), tañcai caracuvati makāl veḷiyiṭu*, 1990 (в двух томах,

репринт издания 1953 года). Данное издание включает три средневековых комментария к тексту — Падманара (*Padmañār*), Дхармара (*Tarumar*) и анонимный старинный комментарий, представляющий собой компиляцию первых двух. При необходимости использовалось также издание Naladiyar, International Institute of Tamil Studies, 2000 (с комментарием Раджагопала Пиллея и английским переводом Анаваратавинаякама Пиллея), репринт издания 1909 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дубянский 1989 — Дубянский А.М. *Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики*. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.
- Пермяков 2001 — Пермяков Г.Л. *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Лабиринт, 2001.
- Пятигорский 1962 — Пятигорский А.М. *Материалы по истории индийской философии*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Kailasapathy 1968 — Kailasapathy K. *Tamil Heroic Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- Pope 1893 — [Pope G. U.] *The Naladiyar of Four Hundreds Quatrains in Tamil*. Oxford: Clarendon Press, 1893.
- Vaiyapuri Pillai 1956 — Vaiyapuri Pillai. *History of Tamil Language and Literature*. Madras: New Century Book House, 1956.

НАЛАДИЯР

ОБРАЩЕНИЕ К БОЖЕСТВУ

Помня, что появление [человека мимолетно] словно радуга,
 Мы падаем ниц перед божеством, чьи стопы не касаются земли,
 Мечтая, чтобы исполнилось то,
 О чем мы помышляем в душе.

РАЗДЕЛ ДХАРМЫ

Глава о богатстве

1. Те, кто сидя вкушали шесть яств, подносимых женой,
 И отвергали добавку — однажды нищими
 Пойдут выпрашивать рисовую похлебку.
 Если так, никакое богатство
 Нельзя считать существующим.
2. Если без греха появится большое богатство,
 Пусть ест добытую с помощью пахотных быков рисовую похлебку,
 делясь со многими.
 Ведь богатство ни с кем не пребывает постоянно,
 Но вращается как колесо телеги.
3. Даже те, кто, восседая на спине слона, в тени зонта
 Шествовали во главе войска,
 Когда иссякнут прежние деяния, падут,
 И враги возьмут себе их жен.
4. Пойми: того, что было, не будет больше,
 Если нечто должно скорее делать — делай же!
 Прошли, прошли дни жизни. Явилась, явилась
 Грозная смерть.

Глава о быстротечной юности

11. Зная, что станут седыми, мудрецы
еще в детстве отрекаются от мира.
А те, кто радовались обманчивой, непостоянной юности,
Будут, опираясь на посох,
Подниматься [со своего ложа] в муках.
12. Исчезли близкие, остыла [любовь] женщин,
Порвались узы дружбы. Загляни вглубь [себя]:
Есть ли в жизни какой-нибудь прок? [Услышишь] стоны,
Словно с тонущего корабля.
13. Невнятно бормоча, опираясь на посох, бредут устало [путники]
С беззубыми ртами — тела [их] вызывают усмешку.
Кто привязался к семейной жизни,
чей взор ищет путь к наслаждениям,
Для тех нет пути [истинной] радости.
14. Того нестойкого мужчину, который возжелал ее,
Пока она еще не сгорбилась, не стала немощной,
с трясущейся головой,
Не оперлась на палку и не упала замертво, ожидает страдание в день,
Когда посох ее матери станет ее собственным посохом.
15. Та, кто была мне матерью, бросив меня здесь,
Ушла вслед за своей матерью; а та — за своей матерью.
И так мать уходит за матерью:
Вот, что дает [нам] этот мир.

16. У мудрецов не бывает радости, подобной краткой радости ягненка,
Объедающего зелень с ароматной, обильной листвою гирлянды,
Свешивающейся с руки жреца [Муругана] с копьем,
Что совершает неистовый [ритуальный] танец
на месте для жертвоприношений.
17. Когда холодает в саду, плоды всех фруктовых деревьев
Падают и разбиваются — так же и юность;
Стройную, с глазами как [наконечник] копья, ты не желай —
[Ведь скоро] она сгорбится, и посох [ей станет служить] глазами.
18. «Сколько [вам] лет? Сколько осталось зубов во рту?
Съедите ли оба блюда?», — обращая свой внутренний взор
На череду [подобных вопросов], мудрецы
Не помышляют об убожении [своего] тела.
19. Не говорите: «Мы [еще] молоды, потом займемся благими делами».
Как только появилось богатство, не утаивая [его], осуществляйте дхарму.
Ведь бывает, что не только спелый плод, но и неспелый
Падает [с дерева], будучи сорван сильным ветром.
20. Воистину, следит за человеком и бродит вокруг безжалостная смерть.
Клади мешок на плечи и спасайся, пока не поздно!
На горе матерям [смерть иногда] забирает младенцев еще в утробе —
Нужно помнить об ее коварстве.

Глава о бренности тела

21. Даже о царях, восседавших на слоне,
Словно луна над горой,
На земле известно только то, что [они] умерли.
Нет в этом мире тех, кто избегнул бы смерти.
22. Сверкающий солнечный диск, словно мера дней жизни,
Не пропуская ни дня, восходит на небо.
Пока не минули дни жизни, совершайте праведные поступки!
Ведь никто не останется [жить] на земле [вечно].
23. Звучат в собрании свадебные барабаны,
Но в том же месте, в тот же день, для тех же [гостей]
Могут они стать барабанами погребальными.
Зная это, разум великих стремится к пути спасения.
24. Они идут и бьют в барабан единожды. Немного постояв,
[Снова] бьют в барабан. Внимательно смотри!
Ударив в третий раз, [они] прикроют [трупы] и разожгут огонь:
Так те, кому предстоит умереть, хоронят умерших.
25. Хотя [он и] видит, как родственники, столпившись, причитают
И уносят тело к месту сожжения трупов,—
но, женившись,
Надеется: «Есть, есть, есть [радость]».
«Дон, дон, дон» — отвечает ему барабан [погребальный].

26. Будут ли [тело] на веревке волоочь, захоронят ли его надлежащим образом?
Выбросят где-нибудь, или над ним будет глумиться толпа?
[Не все ли равно], когда танцор, обитавший в кожаном мешке,
Завершил [свои] дела и прочь удалился?
27. Кто на обширной земле сравнится с мудрецами,
Которые, считая тело одним из пузырьков,
То возникающих, то исчезающих во время ливня,
Решили: «Мы прекратим эту зыбкость»?
28. Пусть обладатели крепкого тела
Извлекают из него пользу.
Ведь тело, словно облако, плывущее над горой:
Появившись, вскоре исчезнет.
29. Помня о бренности [тела], подобного капле росы на кончике травинки,
Следует скорее совершать праведные поступки.
Ведь говорят [о человеке], что [он сперва] стоял, [потом] сел и лег,
[А в конце] ушел под стенания близких.
30. Сыновья приходят незванными и своими становятся в доме,
[После] молча уходят, оставляя родным тело —
Подобно тому, как птица, покинув гнездо на дереве,
Безмолвно вдаль улетает.

36. Не спрашивай: «В этот день или в тот? Когда же?»,
Но помня, что в конце [нас] ожидает смерть,
Дурного избегай и всеми силами своими
Следуй дхарме великих мудрецов.
37. Если поразмыслить, благодаря рождению человеком
Сколь много можно совершить праведных дел!
Следует делать не то, что ублажит сочлененное тело,
А то, что вкусишь на небесах.
38. Крохотное семя баньяна, вырастая,
Даст огромную тень. Так же и плод дхармы:
Сколь малым бы ни был он, попадая в руки достойных,
Заслоняет собой [ставшее] маленьким небо.
39. Каждый день, хотя и видят рассвет, не понимают [его смысл].
Каждый день [они] радуются, что [еще один] день прошел.
День за днем отходит к [уже прожитым] дням их жизни —
Они же, [попусту] растрачивая дни, не сознают этого.
40. Разве пожертвую я драгоценным сокровищем чести
И стану жить презренным нищенством,
Даже если мое тело, накормленное благодаря бесчестию,
Станет крепким и долговечным?

Глава о нечистом

41. А достойные мужи, что восклицают: «О, юная красавица
с манговым цветом [кожи]!» —
Разве не видят, сколь хрупкой является эта обитель?
Если на теле порвется [кусочек] кожи,
размером с крылышко мухи,
Нужна будет палка, чтобы ворон отгонять [от трупа].
42. Тело красиво только внешним покровом, скрывающим нечистоты,
Но и на покрове кожи — [есть] множество отверстий.
Поэтому не следует, обманываясь внешней оболочкой,
говорить [слова] любви,
Но нужно смотреть на тело, [словно] на вывернутый мешок.
43. «Если жевать бетель, обильно украшать цветами голову
И в живые наряды облачаться,
То вечно смердящее пищеварение исчезнет»,—
Вот заблуждение, отвергнутое мудрецами.
44. Разве позволю я безглазым глупцам смутить меня, говоря:
«[Глаза красавицы] — цветок кувалей в прозрачной воде,
враждующие карпы, [лепесток] копия!» —
Увидев, что, когда жидкость [из него] вытечет, [глаз] напоминает плод
пальмиры, из которого извлекли мякоть,
Я буду оставаться праведным.
45. «Зубы [красавицы] — бутоны жасмина, жемчужины!» —
Разве позволю я неучам и глупцам смутить меня этой болтовней?
Увидев, как у всех на виду, зубы с костями гниют,
разбросанные на месте сожжения трупов,
Я буду оставаться праведным.

45. Кишки, жир, кровь, кости, скрепленные сухожилиями,
И кожа, а между ними — мясо и нечистоты.
Такова она изнутри. Какова же [истинная] природа [красавицы],
Украшенной свежей гирляндой?
47. К горшку, в котором нечистоты плещутся
И вытекают сквозь девять мерзких отверстий,
Глупцы обращаются: «О, [красавица],
 чи пухлые руки украшены браслетами!»,
Глаза их ослеплены сверху натянутой темной кожей.
48. Они не ведают природы [тела]; обильно умащают [его] сандалом
И украшают гирляндами. Разве они не видали,
Как самцы и самки стервятников, толкаясь,
Клюют зловонную повозку [плоти], когда она лишилась оси?
49. Разбросанные черепа мертвецов вселяют ужас в зрителей,
Зияя пустотой глазниц, и, весело посмеиваясь, словно говорят:
«Умерших устрасай, ступайте [праведной] стезей.
У [тела] нет достоинств».
50. Белые черепа мертвецов, жутко посмеиваясь,
Излечивают возгордившихся от [этого] недуга.
Излеченные же, прозрев, говорят: «У тела нет красоты»,
И больше не считают себя тем, что существует.

Глава об отшельничестве

51. Когда появляется свет, темнота рассеивается,
Так же и грехи исчезают в результате тапаса.
Когда в светильнике кончается масло, наступает тьма,
Так же и зло возвращается, когда иссякнут праведные деянья.
52. Размышляя о бренности, болезни, старости и смерти,
Лучшие исполняют свои обязанности.
И не бывает больших глупцов, чем те безумцы,
Что бесконечно болтают о грамматике, астрономии
и тому подобном.
53. Спокойно взирая на бренность таких вещей,
Как дом, юность, красота, привлекательность,
слава, богатство и сила,
Лучшие без промедления отрекаются от мира
И тем себя спасают.
54. Глупцы, страдая долгие сроки,
Мечтают о кратковременной радости.
А кто, заглянув вглубь радости, увидел [там] страдание
И покинул стезю семейной жизни, те обрели покойствие.
55. Юность прошла напрасно. Теперь же
Приходит старость с болезнями. Приняв решение,
[И более] не размышляя, со мною воспрянь, о сердце!
Готово ли ты вступить на путь праведности?

56. Даже если нет достоинств [у жены] и не родилось сыновей,
[Однажды] надев ярмо, трудно [его] сбросить.
Из-за неизбежных страданий [семейной жизни],
В былые времена мудрецы говорили: «[Брака] избегни!».
57. Стоит возникнуть тяжким внутренним страданиям,
Сильные [духом] искореняют их
И укрепляются в принятых обетах.
Они — [настоящие] праведники, охраняющие добродетель.
58. Долг великих — не только терпеть оскорбления,
Но и сострадать обидчикам, вопрошая:
«Неужели в будущей жизни они попадут в огненный ад,
Из-за того, что нас оскорбляли?»
59. Кто, и в речах, и в делах оставаясь невозмутимым,
Обладает силой сдерживать ненасытную жажду пяти,
Что зовутся: тело, рот, глаза, нос и уши,
Тот неизбежно обретет освобождение.
60. Глушцы, хотя и видят, как горести растут,
Об отречении не думают и жаждут радостей.
Великие же, видя во всяком удовольствии страдание,
Привязанностей не желают.

Глава о терпении

71. О, владыка прохладной горной страны,
[украшенной] гирляндами водопадов!
Ни о чем не толкуй с дураком. Если [начнешь] говорить,
Дурак ответит грубостью. Почитай за благо
Ускользнуть [от него] любым возможным способом.
72. Терпеть, когда не равные [тебе]
Произносят недостойные речи,— есть добродетель.
Иначе же мир, окруженный бушующим океаном,
Не восславит [тебя], а покроеет позором.
73. Да разве горькое слово, сказанное от любви,
Хуже, чем приятные речи льстивых врагов —
О, владыка прохладного побережья огромного моря,
где над каждым бутонем жужжат красавицы-пчелы! —
Если [слово] получено от тех, кто знает о должном?
74. Кто знает то, что нужно знать,
и смиренно страшится того, чего нужно страшиться,
Радует мир, совершая то, что необходимо,
И умеет жить, радуясь тому, чем обладает —
Тот в жизни никогда не узнает горя.
75. Если двое дружат, не имея разногласий,
И благочестие одного ослабевает,
Пусть [другой] терпит, сколько возможно, а если не вытерпит,
Пусть без брани уходит прочь.

76. Покинуть близких друзей, даже если они причиняют страдания,
Все равно, что со словами: «Пусть и хорошее пропадает!» —
Покинуть самого себя, когда заболеешь. —
 О, владыка лесного края! —
Даже животные не растаются!
77. К великой дружбе мудрецов стремятся не потому ли,
Что те стерпят [обиды], которые трудно вынести?
О, владыка прекрасной страны, где в высоких горах шумят водопады!
У совершающих благо разве мало бывает друзей?
78. Даже изнемогая и мучаясь сильным голодом,
Не следует рассказывать о нужде недостойным.
Кто уж не в силах отречься от [заботы о] себе,
Пусть хотя бы просит у тех, кто спасет [его] от позора.
79. Даже если низость предстанет дающей наслаждения,
От [этих] наслаждений следует бежать!
И даже если удовольствия покажутся бесконечными —
 О, владыка страны высоких водопадов! —
Лучшим все же является безгрешный путь.
80. Даже если он сам гибнет, да не помыслит о гибели достойных,
Даже если плоть его гибнет,
 да не вкушает из рук тех, кто сам голодает,
Даже если он получит весь мир под небесами,
Да не вымолвит слова, наполненного ложью.

Глава о прелюбодеянии

81. Страх велик, а наслаждение кратко,
Вечно угроза казни [по приказу] царя, если узнают,
И всегда только в ад приводит [это] деянье —
Поэтому имеющие стыд пусть не стремятся к чужим женам.
82. Праведность, слава, дружба, величие — вот четыре,
Которых лишен возжелавший чужую жену.
Вражда, бесчестье, вина и страх — вот четыре,
Что преследуют возжелавшего чужую жену.
83. Когда проникает [в дом] — страх, когда возвращается — страх,
Когда наслаждается — страх, когда скрывает — страх.
Ведь это всегда приносит страх — так кто же
Не побоится ходить к чужой жене?
84. Если увидят — позор покроеет семейство, если поймают —
лишишься ноги.
Когда совершаешь недостойное, [чувствуешь] страх,
А последствием будут долгие страдания в аду. Нерадивый,
Скажи мне, какое удовольствие ты в этом видишь?
85. Те, кто в прошлой жизни по обычаю низкородженных
Обнимал пышногрудых красавиц
И без стыда совершал насилие над чужими женами,
В этой жизни родились трансгендерами
и пропитанье себе добывают танцами.

86. И зачем человек засматривается на чужую жену,
Когда есть нежно любящая супруга,
На которой он женился в благоприятный день,
Во всеуслышанье возвестив о том барабанным боем?
87. Удовольствие того [мужа] с непостоянным сердцем,
Который на горе своим близким согрешил с женой соседа,
И опасается, что округа станет сплетничать,
Подобно [удовольствию того, кого] облизывает змея.
88. У сильных [духом] любовные страдания жестоки,
Но они наружу не выходят и предметом сплетен не становятся.
Опасаясь позора среди своих недругов, [мудрецы] ничего
не рассказывают,
И [страдания] стихают внутри.
89. Стрелы, огонь и яркого солнца лучи
Хоть и яростно жгут — сжигают [лишь] внешнюю оболочку;
Любви же следует страшиться больше всего,
Ибо она тяготит и сжигает душу.
90. От страшного багряного пожара, охватившего деревню,
Можно спастись в воде —
Но и в воде не укрыться от ожогов любви,
И в горах от ожогов любви не спрятаться!

Глава о щедрости

91. Для тех людей [никогда] не закроются ворота сварги,
 Кто наделен добродетелью даже в пору лишений,
 По мере возможности, совершать [хотя бы] малые дары,
 С такой же радостью, как во время изобилия.
92. Впереди — отвратительная старость и день смерти,
 Позади — приносящие немощ болезни;
 Не растрачивайтесь, не привязывайтесь, делитесь пищей,
 И не утаивайте [от нуждающихся], если приобретете богатство.
93. Трясутся [за богатство] и не исцеляют страданий к ним
 обратившихся.
 [Но] во время изобилия сколько ни раздавай, ни наслаждайся,
 оно лишь возрастает.
 Когда же кончаются [плоды прежних] деяний, вызывающие богатство,
 Оно не останется, сколь крепко его ни удерживай.
94. Ежедневно принимайтесь за трапезу,
 поделившись [с нуждающимися],
 Даже если у вас самих есть только крохотное зернышко риса;
 Про тех, кто в прежней жизни не совершал даяний,
 В мире, окруженном океаном, говорят, что их очаги холодны.
95. Помня об этой жизни и будущих перерождениях,
 Человек пусть делится всем, чем обладает.
 Но даже если из-за [крайней] бедности не может ничем делиться,
 [Все же] не просить милостыню — в два раза большая заслуга,
 чем подавать.

96. Те, кто живет, нужные многим, подобны плодоносной
пальмировой пальме
В центре города около жертвенного алтаря.
Те же, кто даже в благополучную для их семьи пору не раздают даров
и не наслаждаются,
[Подобны] бесплодной пальме на месте сожжения трупов.
97. Если даже дожди не идут в пору дождей,
Если люди не делают того, что должны —
О, владыка прохладного побережья беспокойного моря,
где цветы краселистов заглушают зловонье карпов! —
Как же спасется мир?
98. Не отталкивать протянутой руки и по возможности
Давать без возврата тем, кто [вернуть] не сможет — долг мужчины.
О, владыка прохладного побережья огромного моря!
Давать же тем, кто вернет, называется ростовщицеством.
99. Не говори: «[У меня] очень мало! [У меня] нет ничего!» —
Всегда и со всеми возвращай плод дхармы,
И он будет постепенно возрастать,
Подобно тому, как наполняется чаша отшельника,
от двери к двери собирающего милостыню.
100. Когда в барабан бьют палочками — люди услышат это за *кадам*,
Когда прогремит гром — люди услышат это за *йоджану*.
Весть же о том, что великие совершают даяния,
Разнесется по всем трем мирам.

Глава о карме

101. Даже покинутый среди коровьего стада
Теленок сможет найти свою мать.
И у деяний прежних — сходная способность
Отыскивать того, кто совершил их.
102. Даже видя, что красота, молодость, блеск богатства и уважение
Нигде не останавливаются надолго,
Он ничего не делает [для будущего рождения].
Его жизнь пропадет понапрасну вместе с его телом.
103. [Беды], которым суждено случиться, даже святые не могут отвратить.
Разве не таковы и все [блага], которые будут обретены?
Нет таких, кто даровал бы в засуху дождь,
И нет таких, кто прекратил бы его, [когда он] в силе.
104. Кто [возвышался] подобно пальмировой пальме,
стал меньше зернышка проса
И, спрятав внутри свою гордость, день за днем
влачит бесславное существование.
Если подумать, отчего же происходит [все это],
Как не от плода прежних деяний?
105. [Отчего] познавшие множество плодов
превосходной учености умирают,
А неучи остаются жить? Знайте:
У неучей внутри нет того сока, что зовется умом,
Оттого смерть их и не забирает, считая сухими стеблями.

106. Когда те, чьи сердца измучены нуждою,
У всех на виду подолгу побираются —
О, владыка прохладного берега моря,
 где в волнах гуси разрывают прекрасные цветы адамбу!
Это [плод] прежних деяний.
107. Кто не желает преуспеть? Нет таких.
[Но] наслажденья отмерены [согласно] заслугам каждого.
Никто не делал круглым слоновье яблоко,
Никто не делал ягоды карандаи черными.
108. Не будучи невеждами и зная то, что нужно знать,
Они все же совершают вещи, [достойные] порицания —
О, владыка прохладного берега огромного моря,
 где дуновение ветра доносит аромат [цветов] *нейдаль*! —
Это происходит из-за прежних деяний.
109. В мире, [окруженном] огромным океаном,
Никто ни капли не желает плодов дурной кармы.
Но хотят ли они хорошего или не хотят —
Избежать того, что суждено, редко кому удается.
110. Те знаки, что предначертаны от рождения,
Не уменьшаются, не увеличиваются, порядка не изменяют,
Во время бедствий опорой не станут, а станут, когда наступит [время]
Поэтому зачем печалиться в дни неудач?

Глава о правде

11. [Если] не можешь [накормить просителя], сказать, что нет ничего,
 Ни для кого не стыдно — в мире так заведено.
 Но мучить ожиданием, и обмануть —
 О, красавица, униженная браслетами! —
 [Страшнее] вины тех, кто позабыл о сделанном [им] добре.
12. Ни достойные, ни недостойные никогда
 Не меняют своей природы. — Кто бы ни вкушал сахарный тростник,
 Горчить не будет он; и даже если сами боги отведают маргозы,
 Она останется горькой.
13. В пору процветания друзей [у человека] больше,
 Чем движется по небу звезд.
 Когда же с ним случается несчастье бедности —
 О, владыка страны прохладных гор!
 Немногие скажут: «Мы — его близкие»
14. Из трех [жизненных целей], существующих в безгрешном мире,
 Если ты обрел среднюю, то обретешь и две крайних.
 А тому, кто среднюю не обрел, достанутся такие страдания,
 словно его живьем варят в кастрюле на огне.
15. Теленок ценится дорого, если он от хорошей коровы.
 Речи в устах богачей будут услышаны, даже если они невежды;
 Слова же тех, кто беден, будут скользить [мимо цели]
 Подобно плугу во время засухи.

116. Даже старательно изучив благое знание,
Те, кто всегда несдержаны, вовек себя не обуздают —
 О, большеглазая дева! —
Дикая тыква не утратит горечи,
Даже если ее варить с солью, маслом,
 молоком, простоквашей и приправами.
117. Пусть сами выкажут презрение в лицо презирающим!
Как же еще с ними быть? — О, владыка побережья бушующих вод,
Где рощи [наполнены] густым ароматом цветов красолиста! —
Ведь с каждым случается то, что должно случиться.
118. Хоть с виду коровы бывают разными,
Но молоко, которое они дают, различий не имеет.
Подобно молоку, путь добродетели по сути един,
И подобно коровам, на земле он имеет множество форм.
119. Если вдуматься, кто же избежал людской клеветы?
Кто никогда не прибегал к обману?
Кто ни разу не познал несчастья?
Кто до конца дней наслаждался богатством?
120. Помимо совершенных деяний, сколь ни ищи,
Ничто с людьми [в иную жизнь] не переходит.
И холеное, украшенное тело станет бесполезным,
Когда смерть схватит его и унесет.

Глава о страхе причинить зло

121. Телами людей, которые, претерпевая бедствия,
К отшельничеству не прибегают, полнится место сожжения трупов;
А животы невежд, лишенных мудрости,—
Могильники для [мертвых] зверей и птиц.
122. У тех, кто ловил и в клетки сажал перепелов и куропаток,
Живших в лесах, [наполненных] жужжаньем пчел,
На ногах будут звенеть железные цепи, когда они,
став рабами [своих] врагов,
Будут [трудиться] на полях сахарного тростника.
123. У тех, кто любил есть крабов, отламывая клешни,
Когда воздастся за прошлые деяния,
Начнется жестокая проказа, пальцы сгниют,
Ладони же станут похожи на раковины.
124. Ведь даже масло, в огонь попав,
Вспыхивает и обжигает, причиняя боль.
Даже праведные люди, сблизившись с теми,
кто [совершает] жестокости,
Оступившись, [творят] еще большие злодеяния.
125. Дружба великих людей, подобно младому месяцу,
С каждым днем неуклонно прирастает.
Подобно ущербной луне, восходящей на небо,
Дружба ничтожных уменьшается с каждым днем.

126. Если, посчитав [их] достойными, ты завязал дружбу,
Но благородства [в отношениях] с тобой они не проявили —
Послушай, о завязавший дружбу! —
Это, как если бы человек открыл шкатулку,
найти надеясь в ней сандаловую пасту,
И увидел внутри змею.
127. Разве кто-то способен постигнуть душу других людей?
Внемли, о владыка страны,
Где в горах сверкают тяжелые самоцветы!
Мысли людей — одно, а поступки — совсем другое.
128. Притворная дружба тех, кто близок не [по веленью] сердца,
А имея хитрый корыстный умысел —
О, владыка страны цветущих холмов,
где чистые потоки с собой [уносят] грязь!
На душу ляжет пятном.
129. Когда брошенный сверкающий меч попадает в руки врагов,
Воистину он убивает [хозяина]. Оттого что [их дружба]
Сжигает заслуги и в этом, и в будущем рождении,
Избегать дураков — это благая карма.
130. Семейной [жизни] пути не отбросив,
Доколе ты будешь жить, мечтая о потомстве? О, сердце!
Кроме сотворенного добра, сколь малым оно бы ни было,
Разве для души бывает иной плод?

РАЗДЕЛ АРТХИ

Глава об учености

131. Красивая прическа, край [женской] одежды,
Шафрановые [умащения] — не [подлинная] красота.
Лишь красота учености, вселяющей в сердце уверенность,
Что мы хороши — вот красота!
132. Приносит плоды в этой жизни, не уменьшается от раздачи,
Очищает обладателя, не испортится, покуда он жив —
Ни в одном из миров ничего нет лучше знания,
[Этого] лекарства против невежества.
133. Мудрецы ценят соль, порожденную бесплодной землей,
Выше риса, порожденного землей плодородной.
Даже если ученые имеют низкое происхождение,
Их приравнивают к благородным.
134. Из места, где лежит, его не унесешь; если случится раздавать —
не убудет.
Блестящий царь, завидуя, не сможет его отнять.
Нет ничего лучше, чем знание,
Чтобы оставить детям в наследство после себя.
135. Учение безбрежно, ученого дни коротки,
Если задуматься, горестей много;
Нужно приобретать [лишь] полезные знания,
Отделяя их, как гусь отделяет молоко от воды.

136. Лодочника из низкой касты не станут оскорблять,
Говоря ему в глаза: «Презренный!». Смотри!
С его помощью переправятся через реку, а с помощью ученого мужа —
Приобретут благие знания.
137. Когда, постигшие неизменное древнее знание,
Лишенные враждебности, острые [умом],
Собираются вместе и дружелюбно улыбаются —
Мы созерцаем обитателей небесного рая!
138. О, повелитель прохладного берега шумного моря!
Дружба с мудрым подобна вкушению
стебля сахарного тростника.
Поеданию [горького его] корня подобна
Связь с лишенными добродетели и сострадания.
139. Даже неучи, общаясь с мудрецами,
Постепенно наберутся благого знания.
Так в глиняном горшке белые цветы падири
Придают воде аромат.
140. Кто в обучении пренебрег мудрыми книгами,
А все заучивал мирские книги —
Тот выбрал бесполезную болтовню,
Которая не поможет [ему] покинуть изменчивость [перерождений].

Глава о благородном происхождении

141. Даже когда одежда обветшала и ослабло тело,
Благородный не отступится от своих принципов.
Так же и лев, терзаемый голодом,
Разве станет жевать траву?
142. Истинное мужество, достоинство и скромность — вот три,
Никому не свойственные, кроме принадлежащих к роду,
возвышенному до небес.
О, владыка гор, достигающих небес и преграждающих путь тучам!
Другим же они не свойственны, даже если обретут большое богатство.
143. Вставание с ложа, выход навстречу,
И еще — проводы [гостя]:
В этом благородные действуют безупречно,
Отличаясь от низких.
144. Если он совершит благо, [воспримут] как должное,
А если зло, то будет порицаем многими.
Так в чем же выгода, если человеку выпало родиться
В благородном, понимающем все семействе?
145. Страх [проявить] невежество, совершить низость,
Забывшись, сказать недостойное,
Ничего не подать нищим. — Рожденные в семьях недостойных,
Как деревянные истуканы, [не знают] этих страхов.

146. Хорошая семья, мягкие речи, щедрость, и выше прочего,
Душевная доброта, — все это, — О, владыка прохладного побережья
Соленого шумного моря, где блестят тяжелые самоцветы и жемчуга! —
Мы находим в благородных людях.
147. Пускай обвалились перекрытия и [повсюду] кишат термиты,
Но в большом доме останется сухая комната.
Так и благороднорожденные, даже претерпевая лишения,
Исполняют [хотя бы] часть своих обязанностей.
148. Хотя одну сторону луны и проглотил змей [Раху],
Другой она освещает широкую землю.
Также и благородный не отрекается от своего долга,
Даже если испытывает трудности.
149. Те обязанности, которые благородные люди исполняют
и в трудное время,
Низкие не смогут исполнить даже в благоприятную пору.
Даже если антилопу оседлать, она не побежит на поле брани,
Как скаковая лошадь.
150. Благородные люди, даже когда у них нет ничего,
Послужат опорой тем, кто в трудную пору обратился за помощью.
Даже в засуху, если копнуть, посреди русла [пересохшей] реки
Вскоре обнаружится драгоценная влага.

Глава о великих

151. Луна, светящая в широком небе,
И мудрецы — похожи, но на луне есть пятна.
Мудрецы же, если хоть одно появится,
Смутившись, его стирают.
152. Осуществится он или нет, но замысел благородных
Лишен недостатков. Разве хуже стрелы,
Вонзившейся в грудь шакалу,
Стрела, нацеленная во льва, но не попавшая?
153. Пусть [от голода] проступают кости и истощилось богатство,
Благородные не преступят границ [дозволенного] и греха не совершат.
Они привяжут [ум] веревкой воли и канатом усердия
И насколько возможно, будут исполнять свой долг.
154. Встретившись в пути лишь однажды,
Великие уже связаны узами старой дружбы.
О владыка благой горной страны! Если несколько дней протаптывать,
То и среди скал возникает тропинка.
155. Когда невежда, что и с грамматикой не в ладах, и со смыслом,
Выступает перед собранием неучей,
Благие люди слушают его с состраданием,
Сочувствуя его позору на людях.

Глава о почтении к превосходным

161. Нельзя совершать подлости в отношении безупречных,
Надеясь, что они простят. [Ибо,] когда [они] рассердятся —
О владыка благой страны, где горы украшены шумными водопадами! —
Редко кому удастся спастись.
162. Не знающие хорошего обхождения,
Даже если даром обрели [дружбу] тех,
Кого и золотом трудно привлечь, увы,
Только попусту тратят время!
163. И презрение, и почтение
Должны исходить от великих людей.
Мудрецы ни во что не ставят порицание и похвалу глупцов,
Не имеющих ни добросердечия, ни учености.
164. Кобра, забившись в расщелину, пугается,
Даже если гром гремит где-то вдалеке.
Даже в надежных крепостях укрывшись,
[Они] не спасутся, если разгневаются великие.
165. «Вы нас [еще] не знаете! Нам нет равных» —
Подобное бахвальство не является похвалой.
Когда, обращаясь с почтением, мудрые знатоки дхармы
Дают высокую оценку — вот это [настоящая] похвала!

166. О, владыка прохладного берега огромного моря!
Как тень утром, пропадает привязанность низких.
Как вечерняя тень, бесконечно растет и растет
Дружба с мужами древней славы.
167. Богатством царя и красотой женщин их близкие наслаждаются
Вне зависимости от [собственных] достоинств.
Так же и покрытые густой листвой раскидистые деревья
Дают место всякому, кто к ним пришел.
168. Даже с неучами разлука причиняет жгучую боль.
О, владыка берега необъятных соляных варниц!
В десять миллионов раз лучше
Не быть ни к кому привязанным.
169. Дней, проведенных без учения,
Дней, растраченных без посещения великих людей,
Загубленных дней, когда не отдали всего, что могли —
Вот чего не случается у достойных.
170. Величие великих — в проявлении скромности.
Обладание каким-либо [знанием] проявляется в смирении.
Если вдуматься, то владелец богатства — богат,
[Только] если помогает в беде своим близким.

Глава о дружбе с достойными

171. Даже если в неразумной юности связался с распутниками
И оставил путь благочестия, стоит ему вновь вернуться
К благочестивым мудрецам, [грехи] исчезнут,
Как исчезают остатки росы на траве, когда усиливается зной.
172. Следуйте путем дхармы, страшитесь смерти,
Прощайте чужую грубость, оберегайте себя от лжи,
Презирайте дружбу с злодеями, каждый день
Внимайте слову из уст великих!
173. «Разлука с близкими, тяжелые болезни и гибель
Происходят с теми, кто обрел сочлененное тело.
Рождение горестно с [самого] начала» — Ох! Пусть мое сердце
Сольется с осознавшими [это] великими мудрецами!
174. Хотя бранные вещи, если размышлять [о них], печальны,
Никто не возненавидит рождение, если в жизни
Ему во все дни отвечали взаимной дружбой
Добросердечные люди, совершающие праведные поступки.
175. Когда вода из городской канавы встречается с мощным потоком,
Она меняет свое название и [впредь] зовется тирткой.
Так же и лишённые благородного происхождения
будут возвышаться как гора,
Опираясь на благородных мужей великой славы.

176. Благодаря связи с сияющей луной
И заяц, [что находится] в высоком и прекрасном небе, почитаем.
Хотя и бесславны сами, но могут обрести славу,
Если удостоятся дружбы тех, кто [возвышается] как гора.
177. Смешанная с молоком вода становится молоком,
И водой по цвету не покажется. Если разобраться,
Разве проявится ничтожность ничтожных,
Соединившись с величием великих?
178. В саду на пригорке трава, растущая вокруг пня,
Не попадет под лемех пахаря —
Над малыми, но имеющими хорошую поддержку,
Не пронесется гнев губителя.
179. Как рис растет на хорошей земле,
Так и достойные — в своих благородных семьях.
Подобно тому, как корабль разбивает буря,
Достоинства портятся от дурного общества.
180. Хотя душой [сами] чисты, их презирают
Из-за рода, к которому они принадлежат.
Ароматный сандал и *венгей* тоже горят,
Когда лес охвачен пожаром.

Глава о величии

181. Даяние больше не радует, возлюбленные не думают [о нас],
Ибо юность ушла далеко. Наверное, есть смысл в том,
Чтобы уйти [из мира], отринув желания, которые говорят:
«Мы еще сможем любить!».
182. «Мы рады семейной жизни и счастливы в ней» —
Так глупцы рассуждают, забывшись. Привязанность
кажется постоянной,
Но [на самом деле] преходяща — у осознавших это
Никогда не будет привязанностей.
183. Делай благие посевы в будущее рождение
И живи, не совершая низостей! Даже когда как мудрец
Ты стойко стоишь, качества [тела] меняются.
И [еще] многие вещи происходят без причины.
184. Говорят же: когда редки дожди, даже забирая воду
Из родников и колодцев, город насыщается.
[Дары], которые великие [преподносят],
даже когда [их] щедрость истощается,
Прочие и в изобильное время не совершают.
185. Подобно полноводной реке, которая, насыщая водой весь мир,
Даже в засуху ручейком льется на камни — [Щедрые,]
Одаривающие богатством многих, даже когда оно оскудевает,
делают подарки некоторым,
Исполняя [хотя бы] часть своего долга.

186. О, владыка страны высоких холмов! Злодеяние великих
Заметно как клеймо на белом быке.
Даже если низкие совершают такие [страшные] злодеяния,
как убийство белого быка,
Ни одно из них заметно не будет.
187. Даже тесная дружба с недостойными
Приносит страдания в соответствии с мерой их низости.
А с мудрецами, которые выше любых насмешек,
И вражда приносит честь.
188. К нежному полу [проявляй] нежность; оставив ее,
С врагами [используй] все [виды] устрашений,
которых боится [сама] смерть.
Лжецов [сам] обманывай еще больше. С добрыми
[Будь] добр. И не нарушай меры.
189. Даже если кто-то в гневе грубо ругается
И порочит [их], чистые душою,
Подобные яркому огню в светильнике,
Совершенно не замечают этого и не беспокоятся.
190. Щедрые ежедневно первое блюдо отдают [гостям],
И [лишь] второе едят [сами]. И то блюдо,
Три греха искупив, на всю жизнь
Уберегает их от несчастий.

Глава о старании

191. Как колосья возле пруда, дающего мало воды,
Внут те, кто находится на пропитании у своих близких.
А с упорными и стремительными, как зрочки танцовщиц с мечом,
Разве случится какое несчастье?
192. Тонкое деревце, стоящее у дороги и шатающееся [от ветра],
Окрепнув, станет стволом, к которому привязывают слона —
И в жизни — так же, если человек
Очистит себя от греха.
193. Однажды, не имея мяса, грозный тигр
Лягушку маленькую поймал и съел. Не думай,
Что для [его] умения [то было] недостойное дело,
[Ведь] ловкости и там [потребовалось] достаточно.
194. Мужество — придерживаться избранного пути, даже если трудно.
Ведь когда легко — О, владыка прохладного берега,
Где волны бьются о мангровые заросли! —
Разве не справятся даже женщины?
195. «Хорошее происхождение или дурное» — одни лишь пустые слова.
Разве только сверкающее сокровище древней славы [имеет значение]?
Тапас, ученость и мужественные поступки —
Вот что такое [благородный] род.

Глава о поддержке ближних

201. Когда мать впервые видит сына,
Она тотчас же забывает и родовые схватки, и боли, и несчастья.
Так же [у мужчин] исчезают страдания от собственной немощи,
Когда они видят старых друзей.
202. Подобно тенистому дереву в жару всем прибегнувшим
Одинаково дарить заботу, и подобно плодovому дереву,
Жить в трудах, чтобы многие смогли вкусить плодов —
Вот долг настоящего мужчины.
203. О, царь страны горных кряжей! Великие не скажут:
«Мы не можем поддержать близких!». Даже если тучные плоды
Созревают один за другим, становясь все крупнее,
Все ж не бывает ветки, которая бы их не выдержала.
204. Привязанность низких, даже если они на людях
Проявляют большую любовь, пройдет через несколько дней.
Дружба с лишенными слабостей подобна тому,
Как великие [подолгу] стоят, не меняя позы,
дабы обрести спасение.
205. «Такие, столько-то, свои, чужие» —
Кто этих слов не произносит, и без разбора
Заботливо помогают беде всех нуждающихся,
Те — лучшие из людей.

Глава о выборе друзей

211. Дружба ученых, понимающих [твой] мысли, во все дни
 Подобна вкушению мякоти сахарного тростника.
 Подобна вкушению [горького корня] с другого конца [тростника] —
 Связь с лишенными мягкого обращения.
212. Не следует судить по одной хорошей стороне
 И, узнав о происхождении, [полагать], что и внутри не обманет.
 О, владыка горной страны цветов, где птицы пугаются
 золотоносных потоков!
 Ни одна душа не познана.
213. Нужно избегать дружбы с людьми, подобными слону,
 И искать близости подобной собаке: слон хотя хорошо знает
 погонщика,
 Может его убить; собака же продолжает вилять хвостом,
 Когда брошенное [хозяином] копьё уже торчит из [ее] тела.
214. Проведя долгое время бок о бок с теми,
 Кто в сердце и на несколько дней не перестал быть чуждым,
 не станут друзьями.
 Но разве из-за долгой разлуки разорвут узы,
 Которыми в самом сердце связаны с полюбившимися?
215. Словно цветок на ветви, зацветший
 и после уже не закрывающийся,
 Полюбив, полюбить — вот закон дружбы.
 Никому не понравится [перемена], и никто не станет дружить с теми,
 Кто, как цветы [лотосов] в пруду,
 сперва открывшись, после закрываются.

216. В дружбе худшие подобны бетелевой пальме,
Средние — кокосовой. Лучшие —
Огромной пальмировой пальме. Однажды начата,
[Навсегда] остается дружба имеющих древность.
217. Если радушен прием, то даже зеленые листья в воде,
В которой мыли рис, станут амритой. Но если ешь из рук нелюбящего,
Даже отменный приправленный специями рис
[Покажется] плодом стрихнина.
218. Что за дружба у тех, кто сам [находясь]
на расстоянии коготка собаки,
Не оказывает помощи и с лапку мухи?
Нужно искать дружбы тех, кто подобен реке,
Которая орощает поля, хотя течет вдалеке [от них].
219. Со лживыми уж лучше враждовать, чем дружить.
Смерть лучше непереносимой болезни.— О! Пусть лучше убьют,
Чем выкажут презрение. И кроме того,
Пусть уж лучше ругают, чем восхваляют незаслуженно.
220. Со многими и подолгу находясь в дружбе,
Нужно избирать достойных.
Даже со змеей, схватившей и лишаящей жизни,
Неприятно потом расставание.

Глава о терпимости к друзьям

221. К тем, кого любил, почитая хорошими,
Даже если оказалось иначе, нужно быть терпимым.
У риса есть шелуха, в воде есть пена,
У цветка есть зеленые лепестки.
222. Хотя могучий поток и смысл целое поле,
Те, кому нужна вода, [на него] не обидятся и снова сделают запруду.
Хотя [они] и продолжают совершать злодеяния,
Терпят те, кому нужна их дружба.
223. Разве терпеть друзей, совершающих множество дурных поступков,
Не единственный достойный выход? — О царь страны высоких гор,
Где тучные пчелы роятся вокруг ярких цветов *конгу!* —
Терпение одного — дружба между двоими.
224. О владыка побережья, где волны качают быстрые корабли,
Как белейшие жемчужины в ожерелье!
[Если] те, с кем трудно разлучиться, бесчестны —
[Это] огонь, сжигающий сердце.
225. Даже если [они] причиняют зло, тех, без кого нельзя обойтись,
Следует ценить как сокровище. Ведь ежедневно нуждаясь в огне,
Который губит сокровища и прекрасные дома,
[Его] все же зажигают в жилищах.

Глава о неподобающей дружбе

231. Под ветхой дырявой крышей сколь воду ни вычерпывай,
Она прибавится; и будут [жильцы] лежать в грязи,
О, владыка холмистого края, где потоки, пенясь, падают с темных гор!
Пока не созреет их карма.
232. Славная дружба великих, подобно дождю,
Приносит обильные плоды, а привязанность тех,
кто благородства лишен, —
О, владыка страны чистых водопадов! —
И в зените своем напоминает засуху.
233. Наслаждение общением с утонченными людьми
Сравнимо с наслаждением небесным миром.
Разговоры же с неучами, не понимающими ученых книг —
Один из [видов] ада.
234. Дружба не имеющих привязанности — как горение соломы:
Ярко вспыхнув, — О, владыка горной страны,
Где на склонах повсюду растут сандаловые рощи! —
[Она] быстро затухает.
235. Когда бахвалятся: «Сделаем то, что невозможно сделать»,
И, не делая, откладывают то, что нужно сделать, — вот положение,
Причиняющее страдание даже тем [мудрецам],
Которые воистину отвергли стремление к [мирским] наслаждениям.

236. Хотя родились в одном пруду и растут вместе,
Водяная лилия *амбаль* не сравнится с расцветшим *кувалеем*.
Хотя они и дружат с достойными, деяния
Недостойных [совсем] иные.
237. О, владыка горного края, где молоденькая обезьянка
Похожими на бобовый стручок пальцами
Ущипнув отца, выхватывает и забирает себе [плод]!
Болезненна любовь к тем, кто не питает взаимности.
238. Отказавшись от дружбы с мудрыми,
Дружить с глупцами,— О, царь горной страны, обильной медом! —
Все равно, что опорожнив сосуд с маслом, полученным от коровы,
[Наполнить его] маслом маргозы.
239. Отсутствие щедрости у прекрасного обликом
Сродни разбавлению водой молока, предназначенного для питья.
Когда мудрые привязываются к дурному обществу,
Это сродни тому, как кобра играет с гадюкой.
240. Если в беде я не поспешу вручить в руки друга
Свою драгоценную жизнь, пусть я пойду путем
Совратившего жену друга, под презрительные
Насмешки длинных языков.

Глава о мудрости

241. О, владыка прохладного побережья широкого моря!
Истинное украшение людей в нужде — скромность.
Если дерзко и без [знания] меры будут вести себя,
То селенье, в котором [они] живут, будет обсуждать их готру.
242. В какую землю ни посади семена стрихнина, кокос не вырастет.
Даже жители юга попадают в рай, [ибо] иное рождение
Определяется деяниями. И на севере живет
Много никчемных людей.
243. Увидев, что враги слабы, достойные и сами,
Смутившись, не нападают. Смотри!
Когда луна — [лишь] юный месяц, не приближается к ней
Неуязвимый, могучий Раху.
244. Даже поблизости от моря струятся сладостные воды,
Даже в горах — текут воды очень соленые. Люди не таковы,
каково их окружение,
О, владыка прохладного берега беспокойного моря!
Они таковы, каковы их мысли.
245. Бананы, даже если созреют среди листьев маргозы,
Ничего не потеряют от своего сладкого вкуса.
Так и достойные: даже от близости с дурным обществом
[Их] сердце не станет злым.

246. О, владыка морского берега, обильного толстоствольными
красолистами!
Разве [достойные] то сближаются, то расходятся [с друзьями]?
Крепко сдружившись, они остаются верными им.
[Поэтому] лучше не становиться друзьями поспешно.
247. Если придешь к мудрецам, обладающим умом,
К тебе придет радость. Если покинешь
Невежд, лишенных знания,
Тебя покинет боль.
248. Сам себя ты укрепляешь во благе;
Оступившись, сам себя сбрасываешь вниз;
Все больше и больше себя возвышаешь
И делаешь себя превосходным — [тоже] ты сам.
249. Если в своих деяниях великие мужи
Следуют за неучеными, — О, владыка прохладного побережья
шумного моря,
Где издревле ревут волны! —
То [у них] даже это не глупость, но мудрость.
250. Если в этой жизни удалось исполнить эти три —
Преодолеть карму, испытать все удовольствия,
Раздать подаяния нуждающимся — то говорят:
Вот корабль, приплывший к берегу.

Глава о невежестве

251. Отсутствие тонкого ума — [вот настоящая] бедность,
А обладание им — огромное богатство.
Если поразмыслить, ведь и танцор-транвестит,
переставший быть мужчиной и стремящийся стать женщиной,
Может надеть радующие взор [женские] украшения.
252. Обладатели разнообразного совершенного знания
Унижены и бедствуют: из-за того, что [с ними] живет
Славная издревле богиня красноречия [Сарасвати],
Богиня лотоса [Лакшми] ревнует и не приходит.
253. Когда отец говорил [ему]: «Учись!»,
Он не усвоил ни единого слова и оставался в невежестве.
Когда в собрании будут скромно показывать
исписанный пальмовый лист,
Он с криком принесет палку, [чтобы нанести] оскорбление.
254. Если неуч, попав в общество самых ученых в мире,
Ведет себя скромно — это все равно, как если бы [там] сидела собака.
Если же он станет высказываться,
То это, как если бы собака залаяла.
255. Недостойные люди, проникнув к ученым знатокам,
Избегающим сборищ неучей, рассуждают о том, чего сами не ведают;
Мудрецы же, даже если их спросили о том, что они знают,
Промолчат, увидев, что смысл [их слов] не будет понят.

256. Те, кто умеет изъясняться языком учености,
Молчат, страхась ошибки; говорят же другие.
На пальмировой пальме шумят сухие листья, но никогда
Не производят шум листья зеленые.
257. [Разъяснять] путь дхармы людям, не знающим благодарности,
Все равно, что выжимать сок манго в свиное корыто.
Когда излагаешь [им учение], оно как [деревянный] колышек,
вбиваемый в скалу,
Теряет остроту и в уши их не проникает.
258. Даже если уголь обмыть молоком,
А после много дней сушить, он не станет белым.
Даже если вгонять знание палкой, оно не войдет в тело,
Не подготовленное аскезой.
259. Подобно тому, как муха не летит питаться к цветку,
Хотя он пахнет сладко, но желает лишь нечистот,
Зачем людям с нечистым сердцем слушать
Простые и [сладкие] как мед слова из уст достойных?
260. Его сердце отталкивает безупречное,
Утонченное учение, преподносимое мудрыми,—
Поэтому низкий общается с себе подобными
И сам попадает в общество дурных.

Глава о бесполезном богатстве

261. Даже если ферония с шершавым стволом
 [стоит] совсем рядом, обильное плодами,
 Летучие мыши [к нему] не приблизятся.
 Таковы и богатства скупых: даже если они совсем близко,
 Не следует рассчитывать получить их в подарок.
262. Даже когда у молочая раскрываются маленькие,
 как ладонь, бутоны,
 [Мудрые] не протягивают [к нему] руки,
 ибо ими не должно украшать себя.
 Даже если низкие обладают большим богатством,
 Мудрые не станут с ними дружить.
263. Даже если живет на берегу моря с бушующими волнами,
 Он пойдет к колодцу пить из пресного источника;
 Даже если [у жадных] большое богатство, чаяния [нуждающихся]
 Устремлены к щедрым, каким бы далеким ни был путь к ним.
264. В этом мире, окруженном океаном,
 Мудрецы живут [в бедности] со своей праведностью —
 А неучи, подобные соломенным пугалам и баклажанам,
 Живут, укутанные в шелк и дорогие ткани.
265. Хорошие и любезные живут [в бедности].
 Единственная причина [преуспевания] неучей,
 Лишенных блага, — плод их прошлых деяний.
 О, копьеокая дева, внемли!
 Другого на ум ничего не приходит.

Глава о скупости

271. Вкушать, разделив трапезу с друзьями и недругами,
[Означает воистину] готовить и вкушать. А для тех, кто
Будет, запершись, есть в одиночку и дхармы не исполнит,
Запертыми окажутся двери небесного мира.
272. Каким бы малым ни было [даяние],
Те, кто подают посильную милостыню, возвеличатся.
А те, кто, скопив богатство, говорят: «Потом совершим [благоедеяния]»,
Погибли в океане греха.
273. Над дураком, который не тратит деньги на удовольствия,
Не приносит даров отшельникам, а копит, чтоб [с ними] умереть,
Будут смеяться и скопленные богатства,
И [существующая] в мире милость.
274. Богатство, скопленное человеком настолько жадным,
Что он [и сам] не наслаждается и не раздает,
Подобно прекрасным девам [на выданье] в доме:
Со временем им насладится чужой человек.
275. Хотя огромный океан клокочущих волн и близок,
[Люди] будут пить воду из маленького колодца,
ожидаая, пока он наполнится.
Крайняя бедность великих лучше богатства тех,
Кто не думает о других рождениях.

276. Про богатство, о котором глупец твердит: «Мое! Мое!»,
Я тоже скажу: «Мое! Мое!». Ведь хотя оно ему принадлежит,
Он не раздает [его] и плодами [богатства] не наслаждается
Точно так же, как и я.
277. В сравнении со скупыми богачами бедняки избавлены от многого:
О них не скажут, что они потеряли [богатство],
Им не нужно охранять нажитое, не нужно закапывать [клады],
Их руки не болят от связывания.
278. Он не раздает [богатство], пока оно принадлежит ему.
Его наследники, когда [оно] перейдет к ним, не будут раздавать.
Но если он будет раздавать, пока [богатство] принадлежит ему,
они ему не помешают.
И он им не помешает, когда потом они станут раздавать.
279. Просящие подобны теленку, дарующие — корове,
Щедрость пусть струится с легкостью, [как молоко].
Низкие словно скудная корова изливают [милости] не сразу,
[Но лишь] когда пастух надавит [на вымя].
280. Собрание [богатства] — страдание; и сохранение накопленного
Блестящего богатства — тоже жестокое страдание.
Если сохраняемое уменьшится — страдание, если погибнет —
страдание.
[Воистину,] богатство — обитель страданий.

Глава о нищете

281. Даже если завязывает на поясе оранжевое одеяние [монаха],
Почет среди людей будет, если обладает восемнадцатью богатствами.
Даже благородный по происхождению, но ничего не имеющий,
Хуже безжизненного трупа.
282. Говорят, что масло тоньше воды.
Все знают, что дым — еще тоньше, чем масло.
Если вдуматься, пораженный горем нищеты пронырнет
И в такую калитку, куда не проникнет [даже] дым.
283. Когда на склонах высоких гор не цветет *кандаль*,
[Туда] не летит рой пчел с красивыми полосками.
О, владыка лесной страны, где попугаев на поле прогоняют камнями!
У бедняков не бывает родни.
284. В пору достатка просители слетаются готовые услужить
Как вороны на запах падали,
Когда же он сам подобно пчеле снует [в поисках пищи],
Не найдется в этом мире никого, кто спросил бы:
«С тобой не случилось ли беды?»
285. Тускнеет благородное рождение, тускнеет великое мужество,
Тускнеет превосходная ученость,— О, владыка благой страны
Многочисленных гор, омываемых шумными водопадами! —
У тех, кто оказался в объятиях нищеты.

286. Кто, живя в [родном] селении, ничего не подает
Обратившимся к нему из-за сильного голода,
Тому лучше бы самому отправиться побираться,
Чем, сидя в селении, попусту растрачивать [свою] жизнь.
287. Руками, на которых [прежде] теснились браслеты,
Они обрывают листву [с ветки] и, сварив,
Едят прямо из собственных рук без соли —
И так они влачат свое существование, когда уходит богатство.
288. Чем жить в деревне, изнемогая на стезе нужды,
И ничего не давать страждущим на стезе даяния —
Уж лучше отправиться в долгий путь и, протягивая руку
у многих домов,
Встать на стезю нищенства.
289. Не только благородства, но и возвышенной остроты [ума]
Всего сразу лишаются,— О, красавица,
Чьи зубы острее [бутонов] жасмина! —
Те, кто подвергся несчастью, что зовется нуждой.
290. Шумный и пестрый рой пчел
Не летит к ветке, которая не цветет. О, владыка прохладного
горного края
Великой, не меркнувшей славы чистых водопадов!
У тех, кто бедствует, не бывает родни.

Глава о достоинстве

291. Стоит благородным увидеть, как недостойные,
Вся сила которых в богатстве, совершают низости,
Разум их вспыхивает подобно пламени
Во время свирепого пожара, охватившего лес.
292. Владеющие собой, даже [когда у них выступают] кости,
и [они] умирают [от голода],
Разве пойдут за недостойным, рассказывая о своих страданиях?
Разве не расскажут [они] о поразившем их несчастье
Просветленным, которые поняли их беду еще до [начала] рассказа?
293. Что до нас, то мы приглашаем их в дом; сами же они
Говорят, будто от [одного] нашего вида [их жены] потеряют
целомудрие.
Стыдись [нас], они дают нам рис, усадив у внешней ограды,
Поэтому следует забыть о дружбе [таких] богачей.
294. Прекрасна в этом мире [и, если] не сворачивать с пути добродетели,
Принесет благие плоды и в мире ином,—
О, та, чьи локоны источают аромат мускуса! Внимательно слушай! —
Похвала наделенных безупречным благородством.
295. Достойные не совершают порочных поступков
Даже [под угрозой] смерти. [Ведь] смерть —
Горечь одного дня и одного раза, а подобные этим
Тяжкие грехи не исправишь.

296. Даже если они самые богатые среди процветающих на этой земле,
Те, кто не дарует, суть бедняки. Даже если они бедны,
Те, кто не попрошайничает у богачей,
Подобны владыкам трех великих земель.
297. Все худшие боятся жгучего голода.
Все средние больше прочего, что [им причинят] страдания.
О дева с широкими бровями-луками и глазами,
[подобными наконечнику] копыя!
Все лучшие боятся, что о них скажут дурно.
298. Когда богачи [презрительно] смотрят, насмехаясь:
«Хорошие люди, добряки обеднели!» — разве душа
самых лучших и достойных
Не вспыхнет подобно огню,
Раздуваемому в кузнечном горне?
299. Не дать нуждающимся — не позор. День за днем
От страха робеть — не позор. [Но] когда потомки,
Обеднев, даже не вспоминают о [великих] делах своих предков —
Вот [настоящий] позор.
300. Лесной тигр, одолевший слона, уходит, не отведав того,
Что упало на левую сторону. Даже когда рукой подать
До широких небес, благородным [они] не нужны,
Если будет запятнана их честь.

Глава о стыде нищенства

301. «Эти бедняки всегда живут за наш счет,
А у самих у них нет средств»,— разве
Постигшие знание сами скажут так, последовав за теми,
Кому [должно быть] стыдно за самих себя?
302. Чем наестся вдоволь, совершив подлость,
Не лучше ли голодать, не совершая того, что достойно осуждения?
Разве смерть и рождение человека
Длятся не мгновение ока?
303. [Есть] такие, кто в лишениях, опершись на посох нищенства,
Пойдут тропой бесчестия. Но разве благородные
Обратятся к кому-либо, кроме тех, кто сам обнимет и скажет:
«Заходите в дом и угощайтесь!».
304. Лучше всего в жизни не просить даже у [дорогих, как] зеница ока,
Чья любовь столь сильна, что они не утаят [милостыни]!
Стоит лишь подумать о ремесле нищего, как душа тает [от стыда]!
Каковы же мысли просящих, когда они получают [подавание]?
305. [Будет] облегчение [страданий], когда сам себя попросит:
«Пусть неприятности случаются, а радости сгинут!» —
Так зачем же у других просить с печальным взором,
Когда душу объяли желания?

306. Хотя новые [люди] рождаются в этом мире ежедневно,
Никогда не родится вновь,— О, владыка страны,
Где потоки, низвергаясь, оставляют золото на склонах гор!
Только тот, кто не насмехается над просящими.
307. Если кто-то, страдая от внешних лишений,
Лишится внутренней благой мудрости
И будет умолять другого: «Дай мне!»,
Разве не умрет он тут же [от стыда], если [ему] откажут?
308. Найдя опору в покровителе, можно жить достойно,
Находясь у него в служении. Разве этот
Скромный путь хуже, чем, потеряв стыд,
Просить: «Подайте [мне] что-нибудь!»
309. Даже если богатство его покинуло, а судьба гневается,
Достойный, твердым умом размышляя о возвышенном,
Не пойдет за глупцом, скопившем богатство,
И не будет стоять [перед ним], склонившись.
310. Если, полагаясь на давнюю дружбу, с надеждой пришел [проситель],
Нужно дать ему хотя бы небольшое подаяние.
Но если [проситель] его не примет,
В сердце [дающего] вспыхнет негасимое пламя [обиды].

Глава о поведении в собрании

311. Перед теми слабеет мудрость слов,
 Кто разумом темен, кто свернул с пути мудрого собрания,
 И высказывая там глупость, упорствует [в ней],
 Полагаясь на мудрость кулаков.
312. Обладающие смирением не станут связываться с плохим ученым,
 Который, выучив наизусть [сутры], повторяет [их],
 будто бы понял [их] смысл.
 Когда плохой ученый потерпел поражение в собрании,
 он ругает семью [противника],
 Если же и это напрасно, то он переходит в драку.
313. Обилием слов, [они] стремятся утолить [свой] зуд,
 Сами же не ведают могущества знания,
 Не знают они, как довести [до слушателя] изученное, не умеют
 проигрывать [в диспуте] —
 [Таково] большинство словоохотливых мужей.
314. Глупцы, не обладая познаниями,
 Стоит им получить хоть одну сутру от наставника,
 Затесавшись среди мудрецов, без стыда прочитают ее
 И проявят свое невежество.
315. Кто поднимется произнести [слова] мудрости
 В собрании тех, кому победа [в споре] важнее истины,
 Злобных как звери, раздраженных и кипящих,
 Тот увидит свои зубы, похожие на зернышки тыквы, у себя в руке.

316. Когда глупцы, вызубрившие урок, но не постигшие его смысла,
Произносят речи достойные отвращения,
Благородные люди немеркнувшей славы сгорают от стыда,
Предельно сожалея о женщине, [тех глупцов] породившей.
317. Подобно объятиям берущих плату [куртизанок],
Книги доступны всем, кто прилежно их изучает.
Но подобно мыслям [этих красавиц], нежных, как молодые ростки,
Смысл [книг] всякому трудно постигнуть.
318. Можно собрать множество книг,
И наполнить [ими] весь дом, не ведая [их] смысла.
Но ученый, который заботится о книгах — это одно,
А ученый, который понимает их смысл — другое.
319. Разве слова тех, кто не составляет развернутого комментария,
[Предварительно] изучив эти четыре: краткий, развернутый,
детальный и дополнительный,—
О, владыка страны горных склонов, где пасутся стада
безупречных коров! —
Станут хорошим разъяснением книги?
320. Разве способны низкорожденные, сколько б книг они ни изучили,
Послужить защитой от чужих [вредных] речей?
Созданных благородными мудрецами книг они не понимают
И [даже] о своем невежестве не знают.

Глава о скудоумии

321. Мудрецы почитают сокровищем слова имеющих любовь [к людям]
И милостиво наставляющих в дхарме.
Нищие же глупцы презрительно [их] бранят,
Подобно тому, как ложка не чувствует вкуса молочной похлебки.
322. Когда лишенные зависти разъясняют путь дхармы,
Лишенные добродетели, хоть и слышат, но не слушают,
Подобно тому, как собака кожевника, жадно рвущая кожу,
Не знает вкуса молочной рисовой каши.
323. Хотя сами они видят, сколь короток путь,
По которому в мгновение ока уйдет их любезная жизнь,
Но и крохотного блага не совершают.
[Эти] бесстыжие глупцы умрут — и что? Не умрут — и что?
324. «Ох, коротки дни! Ох, радости в жизни нет!» —
Многие только и жалуется [на жизнь]. Почему
Они ненавидят в одиночестве,
А не улыбаются каждому встречному?
325. Явившись в созванное собрание, один другого
Презрительно ругает. И если оскорбленный промолчит,
То поносивший его достоин будет удивления,
Если останется жив, [а не умрет от стыда].

326. Тому, кто до [наступления] немощной старости
Не спешил [совершать] благие деяния и не усердствовал в них,
В [его собственном] доме служанка грубо прикажет:
«Живее! Прочь с дороги!»
327. Дураки и сами не наслаждаются, и достойным добра не делают,
Не вступают на спасительный путь добродетели,
Опьяненные, ночуют среди богатства,
И проводят дни своей жизни бесцельно.
328. В путь, предстоящий им вскоре,
Глупцы не берут котомки, полной риса [благих деяний],
Скупясь, они говорят: «Потом успеем совершить их»,
но золото в протянутой руке
Превратится [в ином мире] в кислое слоновье яблоко.
329. Скудоумные размышляют о мире ином,
Лишь претерпевая крайнюю нужду и страдая от страшных недугов.
В иное же время мысли о мире ином
У них меньше [места занимают], чем горчичное зернышко.
330. Увы! Почему, обретя это тело, [глупцы] не размышляют о дхарме
И без смысла растрачивают свои дни,
[Даже] видя, как смерть забирает их близких,
Любимых ими как сама жизнь?

336. Плоха дружба тех, за кем следуют дурные люди,
А они надеются: «Мы подчиним их себе».
О, владыка морского берега, где цветут раскидистые красолисты!
Ведь рукой нельзя расщепить камень.
337. Если в горшке есть масло, даже когда не удастся [проникнуть внутрь],
Муравьи не уйдут, а будут кружить снаружи.
Даже если богачи ничем не делятся,
Люди от них не отстанут.
338. Они не посещают каждый день хорошего общества,
Не подают милостыню, ничем не делятся с бедняками,
Не обнимают милых женщин и живут бесславно.
Разве не проклинаят они свою жизнь?
339. Дружба с лишенным добродетели,
Который в ответ на похвалы говорит: «Мы не желаем [дружбы]»,
Даже если она принесет [весь] мир, окруженный ревущими волнами,
Приятной не будет.
340. Если другие прославляют ученость,
достоинства и происхождение [человека],
Он приобретет величие. Если же сам рассказывать начнет,
То соберутся люди и станут насмехаться:
«Вот безумец, которому лекарства не помогут!».

Глава о низости

341. Даже если каждое утро класть размолотое зерно в клюв курице,
Она не оставит навозной кучи.
Даже если разьяснять низким мудрые книги,
Они продолжат [поступать] по велению своей души.
342. Если сказать: «Пойдем, не мешкая, к тем,
Кто стойкостью искоренил пороки»,
Низкие поднимутся и скажут: «Пойдем поспим!»,
Или же что-нибудь в этом роде.
343. Удостоившись похвалы, благородные
Не изменят привычек и продолжат свой путь.
Низких же стоит похвалить,— О, владыка страны
сверкающих водопадов! —
И сразу истощится их добродетель.
344. Будь сотворенное [для них] благо размером с зернышко,
Благородные сочтут его огромным, как пальма. Если даже
Всегда совершать [дела] размером с пальму,— О, владыка страны
сверкающих водопадов! —
Нет блага для неблагодарных.
345. Даже если кормить собаку с золотого блюда и оберегать [ее],
Она [все равно] будет не отрываясь следить за чужими обедками.
Даже если обращаться [с ним], словно он наделен величием славы,
Дела низкого будут иными.

346. Даже если обретут царское богатство,
Великие никогда не станут им хвастаться. Низкие же,
Если у них хоть на кунжутное семечко вырос земельный надел,
Возомнят себя Индрой.
347. Даже сделанная из безусловно чистого золота
И украшенная драгоценными камнями, сандалия — для ноги.
Даже если обретут богатства,
Низких будут отличать по их деяниям.
348. Мастера сквернословить, они лишены сострадания
И радуются чужому горю, все сильнее распаяясь.
О, владыка края могучих гор!
Низкие [всегда] ненавидят и презирают.
349. Благородные, если много дней провели вместе,
Скажут: «Он — старый знакомый», и будут [с ним] ласковы.
О, владыка прохладного морского побережья,
где цветы нейдаль источают мед!
А низкие не полюбят, но будут лишь презирать.
350. Даже если кормить маленького бычка скошенной травой
И холить, в телегу его не запряжешь! Увы!
Даже если обретут богатства, низких
Будут отличать по их деяниям.

Глава о ничтожестве

351. Истинные мудрецы и в юные годы блюдут [благочестие]
И сдерживают себя. Глупцы же и в старости
[Лишь] сильнее погрязнув в грехах, подобно бамбуку
Продолжают раскачиваться и остаются внутри пустыми.
352. Даже поселившись в огромном прекрасном пруду,
Лягушки никогда не смогут смыть с себя слизь;
Даже изучив превосходные, безупречные книги,
Лишенные тонкости [ума] едва ли [их] поймут.
353. О, владыка страны горных хребтов! Даже о достоинствах человека
Трудно говорить ему в лицо. Из чего же сделаны
языки тех ничтожных,
Которые клеветуют на добродетельного
И злословят у него за спиной?
354. [Скромные] красавицы с округлыми пышными бедрами
Не выставляют напоказ своей женственности, словно служанки;
Другие же, подобно наводнению, обильно изливают нежность,
И после, получив награду, исчезают.
355. Низкие похожи на резец, приставленный к сучку,
Который не дрогнет, пока по нему не стукнут:
Для тех, кто [с ними] ласков, они ничего не сделают,
[Но] все совершат для тех, кто причинил им страдание.

356. Горец думает о красоте гор,
Пахарь думает об урожайных полях,
Благородный — о сделанном ему добре,
Низкий думает о нанесенных ему обидах.
357. Благородные прощают совершившему доброе дело
Сотню прегрешений. Если для низкого сделать семь сотен добрых дел,
И хотя бы одно злое,
То и [все] семь сотен окажутся злыми.
358. [Поступки], которые благородные совершают и в скудную пору,
Прочие люди и в лучшее время не совершают.
Даже если украсить его клыки твердыми алмазами,—
о, ясноглазая дева! —
Кабан не станет боевым слоном.
359. Хотя *нетти* растет в воде и зеленого цвета,
В его сердцевине нет влаги. Увы!
Есть люди, которые внутри похожи на камень,
Хотя окружены огромными богатствами.
360. «Сегодня станем [лучше], совсем скоро мы изменимся,
Еще немного погода обратимся [к благу]!» — так размышляют многие
И с радостью говорят [об этом], но помыслы [у них] иные,
И [постепенно] они увядают словно лепестки лотоса.

Глава о разном

361. [Пускай] дворец достигает облаков, и исполнена достоинства стража,
[Пускай] горит непрерывно вереница светильников — что с того?
Дом, лишенный прекрасной, достойной любви жены —
Всего лишь безлюдная пустыня.
362. Если, [находясь под присмотром, острым как] лезвие
безупречного клинка,
Эти нежноречивые [красавицы] все же совершили грех —
сколь бы он ни был мал,
Время, когда они соблюдали целомудрие [будет считаться] кратким,
А время, когда оступились — долгим.
363. Жена, которая [во время скандала] кричит: «Бей же меня!» — смерть,
Которая поутру не идет на кухню — неизлечимая болезнь,
Которая не прислуживает мужу за столом — домашняя ведьма.
Эти три — орудия убийства мужей.
364. Даже услышав: «Отрекись [от мира]!» — он не отрекся,
Услышав страшный стук [погребального барабана] — он не уразумел,
И, женившись снова, надеялся жить счастливо.
[Про такого] говорят: «Взял камень и выбросил его».
365. Лучшее для человека — жить, предаваясь аскезе.
Среднее — жить среди достойных.
Худшее — считая, что беден, в жажде наживы следовать за теми,
Кто тебя не разумет.

366. Лучшие проводят [свои дни] в учении.
Средние наслаждаются благами.
Худшие, думая: «Мы не наслаждаемся, недостаточно у нас [богатства]»
От зависти глаз не смыкают.
367. Подобно тому, как из семян отборного риса
Вырастает [такой же] отборный рис, — о, владыка страны,
Где полно полей отборного риса! —
Мудрость сына есть мудрость отца.
368. Благородные и наследники богатств — обнищали,
Низкие и дети бесстыдниц — возвеличились.
Перепутались верх и низ; подобно [царскому] зонту,
Мир стоит теперь вверх ногами.
369. Тем, чья душа страдает безутешно,
Когда близкие говорят им о своей сердечной боли —
О, владыка горной страны, где водопады приносят
драгоценные камни! —
Чем жить, уж лучше прыгнуть со скалы.
370. Между половодьем и любовью [украшенных]
цветочными серьгами [куртизанок],
Если трезво судить, разницы нет никакой.
Половодье пройдет, когда прекратятся дожди.
А любовь их пройдет, когда прекратятся подарки.

РАЗДЕЛ КАМЫ

Глава о продажных женщинах

371. Между огнем в светильнике и любовью продажных женщин,
Если здраво судить, разницы нет никакой.
Огонь в светильнике погаснет, когда закончится масло,
А любовь их пройдет, когда истощится богатство.
372. Пышнобедрая красавица, украшенная драгоценностями,
Сказала: «Давай же прыгнем вместе со скалы!».
Но так как денег нету [у меня], у края пропасти передумала,
Расплакавшись: «Нога! Нога болит!»
373. Будь он хоть сам ясноглазый Маль,
Которому бессмертные боги поклоняются на небесах,
Того, кто в руках ничего не несет, девы, подобные сорванному бутону,
Прогонят, [почтительно] сложив руки.
374. Для красавиц лотосооких, чьи сердца не знают любви,
Тот, у кого нет денег, подобен яду. Как посмотришь,
Владельцы богатства, хоть на маслодавильне добытого,
Для них подобны сахару.
375. Подобно животным, лишены ясного ума
Те, кто ищет объятий женщин, поведением сходных с угрем,
Который показывает змее голову,
А рыбе в сладостном чистом пруду — хвост.

Глава о целомудренных женах

381. Даже если женщины знамениты, как Индрани,
Редким целомудрием, все же ограждая себя от тех,
Кто следует за ними с вожделием,
Ароматнолобые укрепят добродетель.
382. Даже во время бедствий, когда в горшке готовят [одну лишь] воду,
А родственников приходит столько, что могли бы осушить [целое] море,
Мягкоголая женщина, которая прилежно исполняет обязанности,
Является гордостью дома.
383. Даже если дом открыт с четырех сторон, очень мал,
И внутри отовсюду идет дождь, но [в нем] живет заботливая хозяйка,
Которую вся деревня хвалит за добродетель,
То это [воистину] дом.
384. Ласкает взор и украшает себя согласно желаньям мужа,
Пуглива и стесняется селян, уступчива
И знает, [когда] обидеться, [когда] смягчиться —
Такая сладкоголая красавица — [воистину] жена.
385. Хотя каждый день ласкает нас муж,
Мы стесняемся, словно в первый раз его видим.
Как же другие из-за жажды богатства
Каждый день обнимают многих?

386. Сверкающее богатство в руках щедрого
Подобно книге, прочитанной понимающим [ее];
Целомудрие скромной женщины
Подобно острому мечу в руке храброго воина.
387. Супруг [мой] словно тот, кто [цельми] туни и падакку
Покупает и черное просо, и красное по одной цене!
На скале его груди тешились не знающие стыда красавицы,
И даже не помывшись, он приходит получать ласки ко мне.
388. О, панан! Не произноси жестоких речей!
Лучше тихонько ступай отсюда.
Для супруга мы, словно левая сторона барабана.
Поэтому говори с теми, кто правая.
389. Я страдаю, даже когда муха садится на жителя селения,
Где вода сверкает на полях, [когда] собран рис,
И я видела его грудь, умащенную прохладным сандалом,
Жарко бившуюся о женские груди.
390. О, панан! Не лги, говоря, что тот, кто носит гирлянду
Распустившихся бутонов будет ласков с нами.
Для супруга мы — нижняя часть тростника. Поэтому
Говори тем, кто средняя.

Глава о любви

391. Во время разлуки [на коже] появляется [золотистое] пасалей,
Без обид и страданий любовь лишается соли.
О, владыка прохладного берега с соляными варницами,
где в сияющем море бьются беспокойные волны!
Путь [любви] лежит через ссоры и примирения.
392. Для тех, кто разлучен с любимым мужем,
К чьей груди, украшенной гирляндой, они крепко прижимались,
Гром, отовсюду гремящий из туч,
Подобен звукам погребального барабана.
393. Вечером, когда ремесленники укладывают инструменты,
Печальная, она выбирала цветы для гирлянды,
Но [вдруг,] отложив ее, зарыдала:
«Одинокой зачем делать гирлянду?»
394. Глядя на заходящее солнце, и с покрасневших глаз
Смахивая скопившиеся слезы, на нежных пальцах,
Плача, считает она дни [разлуки], под голову руку подложив.
О, горе! Ведь она вину мою считает!
395. Приняв глаза [красавицы] за карпа,
Птичка *сираль* устремилась за ней,
Но, подлетев поближе, испугалась,
Увидев согнутый лук ее прекрасных бровей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Обращение к божеству (*kaṭavuḷ vāḷttu*) — традиционное вступление к литературным произведениям.

Радуга (*vaṇvil*) — букв. «небесный лук», ср. скр. *indrādhanus* — «лук Индры».

Божество, чьи стопы не касаются земли... — Считалось, что боги не касаются земли при ходьбе.

1. Шесть яств (*aṛucuvai*) — Традиционно выделяется шесть базовых вкусовых ощущений: *kārttal* (острота, соленость), *kūrttal* (соленость, солоноватость), *tittittal* (сладость), *kaittal* (горькость, едкость), *puḷittal* (кислый вкус), *tuvarttal* (терпкость).

3. В тени зонта... — Зонт являлся атрибутом царской власти.

4. Смерть (*kūrru, kurram*) — имеется возможность воспринимать этот образ как персонифицированный. Комментаторы отождествляют *kūrru* с индуистским богом смерти Ямой.

5. Пустыня (*curam*) — возможно двойное понимание: пустыня как дикая, некультурная и неблагоприятная территория, где расположены места сожжения трупов, или как пустыня перерождений, через которую проходят индивидуальные души — дживы — на пути к спасению.

6. Барабан погребальный (*taṇṇam* или *taṇṇimai*) — большой двусторонний барабан.

7. Дхарма (*aṛam*) — религиозный долг.

Хотя рождается всякий, // Нет таких, кто не будет рождаться впредь ... — т. е. избавиться от перерождений трудно. Комментарии предлагают иное понимание: [Прочие же] хотя и появились на свет, // Все равно что не рождались... — т. е. жили, попусту тратя время.

10. Не одеваются... — джайны-дигамбары (букв. «одетые сторонами света») считали, что монахи обязаны не носить никакой одежды и ходить нагими.

О, владыка страны гор, достигающих неба!.. — имеется в виду ландшафтная зона *куруньджи*.

13. Кто привязался к семейной жизни... — согласно древнеиндийской доктрине о стадиях человеческой жизни (*ашрамах*), на втором этапе своего жиз-

ненного пути человек становится «домохозяином» (скр. *grhasthā*), и посвящает себя, наряду с другими аспектами жизни, также и сфере сексуальных и иных чувственных наслаждений. Буддизм и джайнизм проповедовали раннее отречение от мира и посвящение в монашество.

16. Неистовый танец (*veriṃyartal*) — экстатический ритуальный танец, исполняемый жрецом Муругана веланом (*vēṇmakāṇ* — букв. «юноша с копьем»). В поэзии санги распространен сюжет: родственники героини приглашают жреца Муругана, чтобы тот исполнил экстатический танец и совершил жертвоприношение ягненка. Подробнее об этом см.: [Дубянский 1989: 37–38]

17. С глазами как [наконечник] копья (*vērkaṇṇā*) — букв. «копейноглазая». Выражение указывает не только на остроту зрения, но и на красоту: глаза красавицы своей формой традиционно сравниваются с лепестком копья.

Посох [ей будет] глазами (*kōrkaṇṇā*) — букв. «палкоглазая», указание не только на подслеповатость, отсутствие остроты зрения, но и на следствие этого: невозможность слепому обойтись без посоха.

21. Цари (*kuṭaiyār*) — букв. «обладающие зонтом», см. примечание к стиху 3.

22. Мера дней жизни (*vāṇāḷ alaku*). Слово *alaku* — «мера», «единица измерения» можно понять также и в значении «нож», «лезвие ножа». Отсюда вариант перевода: «словно нож, [отрезающий] жизненный срок».

34. Трудное для обретения тело... согласно представлениям джайнов, рождение в облике человека является большим достижением и результатом праведной жизни в предыдущих перерождениях. Если же человек не исповедует джайнизм, то в будущей жизни ему вряд ли удастся снова обрести тело человека.

Сок сахарного тростника — напиток, популярный в Индии по сей день. Сок выжимают из стеблей сахарного тростника с помощью специальных прессов.

35. Сахар (*kaṭṭi*) — тростниковый сахар-сырец.

37. Сочлененное тело (*tokka uṭampi*) — Средневековые комментаторы уточняют, что имеются в виду семь субстанций, из которых состоит тело: слюна, кровь, мужское семя, жир, мясо, кости, костный мозг.

44. Цветок кувалей в прозрачной воде, враждующие карпы, [лепесток] копья! — все три образа служат сравнению с глазами. Кувалей (*kuvāḷai*) — *Nelumbo*, темно-синяя водяная лилия. Таким образом глазное яблоко срав-

нивается с цветком, а оболочка глаза — с водой. Два карпа, быстро перемещаясь в воде во время поединка, напоминают то, как красавица быстро двигает зрачками (ср., например, искусство *абхинаи* в классическом танце). Сравнение с копьём основано на общем признаке остроты (зрения и копья) и на том, что своей формой глаз напоминает наконечник копья.

Плод пальмиры (*nuṅku*) — из плодов пальмировой пальмы (*Borassus flabellifer*) получают сок и пальмовое вино (*тодду*).

47. Девять мерзких отверстий — два глаза, два уха, две ноздри, рот, детородный орган, задний проход; иногда к ним также добавлялось десятое — тёмное отверстие.

Пухлые руки (*peruntōl*) — букв. «большие руки»

51. Тапас (*tavam < скр. tapas*) — аскетическая практика, а также магическая энергия, приобретаемая с ее помощью.

52. Грамматика (*cattam < скр. śabda*), астрономия (*cōṭiṭam < скр. jyotis*) входили в цикл шести дисциплин *веданги*, древнеиндийской научной и ритуальной литературы.

54. Стезя домохозяина (*maṇai āru*) — «домашний путь», т. е. стадия домохозяина (см. прим. к стиху 13)

56. «Избегни!» (*kaṭi*) — игра слов, т. к. слово «брак» (*kaṭi*) омонимично императиву от глагола *kaṭi-ttal* — «избегать, прерывать».

72. Мир, окруженный бушующим океаном — в джайнской космографии сединный земной мир (*мадхьялока*) состоит из разделенных океаном континентов, центральным из которых является Джамбудвипа.

73. О, владыка прохладного побережья огромного моря... — ландшафтная зона *нейдаль*.

76. О, владыка лесного края!.. — ландшафтная зона *муллей*.

85. По обычаю низкорожденных... — брак, совершаемый в форме насильного овладения невестой, назывался *пайшача* (т. е. осуществленный по обычаю демонов-*пишачей*), и считался худшим из восьми видов брака, включенных в традиционную классификацию. Далее следовали: *ракишаса* (похищение женщины), *гандхарва* (по взаимному влечению молодых), *асура* (с выкупом невесты), *праджапатья* (по предварительной договоренности), *арша* (по которому

отец невесты получал двух коров), *дайва* (когда девушку отдавали в храм, т. е. она выходила замуж за бога), и, наконец, лучший из всех, *брахмья* (когда брак осуществлялся в полном соответствии с надлежащим ритуалом).

Родились трансгендерами (*ali*) — трансгендерные люди в Индии часто занимались танцами (на свадьбах, церемониях по случаю рождения ребенка и т. п.), а также попрошайничеством и проституцией. В современном Тамилнаду для обозначения этой социальной группы обычно используется термин *аравани* наряду с паниндийским понятием *хиджра*.

86. Женился в благоприятный день... — благоприятный день для бракосочетания назначал астролог.

96. Пальмировая пальма (*paṇṇai*) — *Borassus flabellifer*, дерево высотой до 30 м, имевшее в Южной Индии большое хозяйственное значение. Листья использовались для кровли крыш, плетения циновок и в качестве писчего материала. Ствол дерева считался ценным строительным материалом. Плоды пальмиры и ее семена употреблялись в пищу, а из сока делали пальмовое вино.

97. Красолист (*puṇṇai*) — *Calophyllum inophyllum*, дерево, высотой достигающее 15 и более метров, имеет соцветия белых цветов.

100. Кадам (*kātam*) — мера длины, приблизительно равна 8 километрам.

Йоджана (*yōṣaṇai* < скр. *yojana*) — мера длины, приблизительно равная 14–16 километрам.

106. Адамбу (*aṭamṇi*) — *Ipomoea pescarpae*, разновидность ползучего кустарника; обладает фиолетовыми цветами в форме колокольчика; растет на океанском побережье.

107. Слоновье яблоко (*viḷam*) — *Feronia elephantum*, дерево со съедобными плодами идеально круглой формы, которые также называют деревянным яблоком из-за твердого деревянистого околоплодника.

Каранда (*kaḷam*) — комментаторы отождествляют с *kaḷā*. Возможно идентифицировать как каранду (*Carissa carandas*), плодовый вечнозеленый кустарник, дающий темно-фиолетовые съедобные ягоды; или *Vaccinium nilgherrense*, еще один плодовый кустарник Южной Индии.

108. Нейдаль (*neytal*) — *Nymphaea lotus alba*, белая кувшинка, давшая название теме-тиней древнетамилской поэтики, связанной с побережьем моря.

10. Те знаки, что предначертаны от рождения — т. е. результаты поступков в прошлой жизни.

112. Маргоза (*vēmpu*) — *Azadirachta indica*, маргоза, дерево ним. Плоды этого дерева имеют горький вкус, листья считаются целебными.

114. Из трех [жизненных целей], существующих в безгрешном мире... — имеется ввиду триада жизненных целей человека (*trivarga*): *дхарма* (религиозный долг), *артха* (материальное благополучие) и *кама* (чувственные удовольствия).

116. Дикая тыква (*pēyccurai*) — *Cucumis trigonus*.

121. Место сожжения трупов (*cuṭukāṭu*) — считалось ритуально нечистым и неблагоприятным. Несоблюдение вегетарианства поэтому сравнивается с превращением собственного тела в место сожжения трупов и таким образом осуждается.

135. Как гусь отделяет молоко от воды... — в оригинале стоит слово *kuruku*, что обычно означает цаплю, однако в индийской поэзии умением отделять молоко от воды, как правило, наделялся гусь (скр. *haṅsa*) и вероятно здесь имеется в виду именно он.

137. Древнее знание (*tolkēḷvi*) — этимологически *kēḷvi* (букв. «то, что услышано») является калькой санскритского термина *śruti*.

139. *Падиру* (*pātiri*) — *Stereospermum chelonoides*, дерево с ароматными белыми цветами, имеющими форму колокольчика.

148. Раху (в тексте — *pāmpu*, букв. «змея») — демон солнечного и лунного затмений. Согласно мифу, асуре Раху удалось обманом испить нектара бессмертия амриты после пахтанья молочного океана. Однако Сурья (солнце) и Чандра (луна), узнав об этом, выдали его Вишну, который отсек Раху голову еще до того, как он успел проглотить амриту. Его обретшая бессмертие голова поднялась на небо и с тех пор мстит обидчикам, проглатывая их.

157. *Тодду* (*kaḷ*) — алкогольный напиток из забродившего пальмового сока, «пальмовое вино».

164. Кобра, забившись в расщелину, пугается, // Даже если гром гремит где-то вдалеке... — В индийской мифопоэтической традиции змеи боятся раскатов грома.

175. Тиртха (там. *tīrtam* < скр. *tīrttha*) — объект паломничества и место ритуальных омовений, обычно расположенное у реки или на морском берегу.
176. Благодаря связи с сияющей луной... — Пятнам на луне приписывали очертания зайца, ср. скр. *śaśalakṣaṇa* — луна («с изображением зайца»).
180. Сандал (*cantaṇam*) — *Santalum album*, сандаловое дерево, ценное своей древесиной, используемой для изготовления ароматического порошка и прохладительных мазей.
- Венгей (*vēṅkai*) — *Pterocarpus bilobus*, дерево крылоплод, раскидистое дерево, достигающее 30 м в высоту, с желтыми цветами.
190. Три греха (*mukkurram*) — имеются в виду похоть (*kāma*), жадность (*lobha*) и гнев (*krodha*).
191. Зрачок танцовщиц с мечом — во время танца зрачки танцовщиц неотрывно прикованы к клинку.
192. Станет стволом, к которому привязывают слона... — то есть очень толстым и прочным.
194. Мангровые заросли (*kaṇṭal*) — *Rhizophora mucronata*, вечнозеленые леса в прибрежной полосе.
197. Баньян (*ālamaram*) — *Ficus Bengalensis*, крупное дерево, обладающее способностью отбрасывать дополнительные, «боковые» корни, которые отходят от его ветвей.
199. Цветок, [похожий на] гриву [льва] ... — ярко-оранжевый цветок сахарного тростника своим цветом напоминает львиную гриву.
200. Владыки трех земель (*muttaraiyar*) — эту фразу можно связать с тремя древними тамильскими царствами — Чолов, Пандьев и Черов. С другой стороны, это может быть имя собственное, обозначающее феодальную династию, которая контролировала территорию в районе Танджавура, и неоднократно упоминается в паллавской эпиграфике 6–8 вв. н.э. [см. Ваяпури Пиллей 1956, с.59]. См. также стих 296.
- Амрита (*amīṭu* <скр. *amṛta*) — мифологический напиток бессмертия, который пьют боги, амброзия.
204. Стоят, не меняя позы... — длительное неподвижное стояние считалось одним из видов аскетической практики.

215. Цветы [лотосов] в пруду... — устойчивый поэтический мотив: лотосы распускаются с первыми лучами солнца и закрывается вечером.

216. Бетелевая пальма (*kaṁuku* < скр. *kramuka*) — *Areca catechu*, арековая (другое название: бетелевая) пальма. Относительно небольшое по размерам (до 15–20 м в высоту) дерево. Бетелевые орехи и листья принято жевать после еды.

Кокосовая пальма (*teṅku*) — *Cocos nucifera*. Дерево высотой до 25–30 м. Сок молодых кокосовых орехов хорошо утоляет жажду. Белая мякоть разнообразно используется в кулинарии.

Пальмировая пальма — см. прим. к стиху 96.

217. Плод стрихнина (*kāñciraṅkāy*) — плод стрихнинового дерева (*Strychnos nux-vomica*) обладает ядовитыми свойствами.

221. Зеленые лепестки (*pullital*) — букв. «травяные лепестки», т. е. внешние лепестки бутона.

223. Конгу (*kōṅku*) — дерево *Hopea parviflora*, произрастающее во влажных высокогорных лесах современной Кералы и Карнатаки. Деревья достигают высоты 36 м. Древесина высокого качества и часто используется как строительный материал.

233. Один из [видов] ада (*narakam*)... — в джайнской космографии насчитывается в общей сложности 8400000 адов. Обитатели адских миров страдают как от неблагоприятных условий (жара, холод), так и от общества друг друга. Хотя время пребывания в аду и ограничено кармой, оно длится чрезвычайно долго: многие миллионы лет.

236. Амбаль (*āṁpal*) — *Nymphaea lotus*, разновидность водяной лилии.

Кувалей (*kuvaḷai*) — *Nelumbo*, темно-синяя водяная лилия.

240. Кобра играет с гадюкой... — средневековый комментатор объясняет, что в случае их брака кобра может погибнуть.

241. Готра (там. *kōttiram* < скр. *gotra*) — экзогамная группа дальних родственников внутри коллектива.

242. Попадают в рай (*civarukkam* < скр. *svarga*)... — сварга, верхний мир индийской космографии, небо, куда попадают души добродетельных людей. Южная сторона света считалась неблагоприятной.

243. Раху (*irā*) — см. прим. к стиху 33.
246. Краснолисты (*puṇṇai*) — см. прим. к стиху 97.
251. Танцор-трансвестит — см. прим. к стиху 85. Смысл: танцор-трансвестит может надеть женские украшения, однако это не сделает его женщиной, так же и богатство не будет богатством, если его обладатель лишен разума.
252. Богиня красноречия (*nāvin kiḷatti*, букв. «хозяйка языка») — Сарасвати, богиня красноречия и учености.
- Богиня цветка (*pūvin kiḷatti*) — Лакшми, богиня счастья и процветания, традиционно изображавшаяся восседающей в цветке лотоса.
253. Пальмовый лист (*ōlai*) — в Южной Индии тексты записывались (выдавливались) на специальным образом обработанных листьях пальмировой пальмы, с помощью острой металлической палочки (*āṇi*), служившей стилем.
261. Ферония (*viḷam*) — «слоновье яблоко», см. прим. к стиху 107.
262. Молочай (*kaḷḷi*) — *Euphorbia tirucalli*, колючий кустарник, растущий в пустыне.
266. Золотая богиня... — см. примечание к стиху 252.
282. Стихотворение построено на обыгрывании этимологии тамильского слова «дым» (*pukai*) от глагола «проникать» (*puku*).
283. Кандаль (*kāntal*) — *Gloriosa superba*, малабарская горная лилия, имеет ярко-красные цветы.
286. Попусту растрачивать [свою] жизнь... — Долгом мирянина джайнской общины было материально поддерживать моханов.
296. Владыки трех земель (*muttaraiyar*) — см. прим. к стиху 200.
300. Уходит, не отведав того, что упало на левую сторону ... — тигр наделяется свойством не есть убитых им животных, если они упали на левую, неблагоприятную сторону. Ср. «Пуранануру», 190:

...Подобно голодному тигру, который не станет есть дикого вепря,
Упавшего на левую сторону, но на следующий день,
Оставив свою пещеру в горе, выйдет на охоту
И свалит огромного слона на благуую правую сторону.

315. Зубы, похожие на зернышки тыквы... — стихотворение построено на игре слов: там. *vittu* означает зернышко, семя (<скр. *bija*) и знание (<скр. *vidyā*).
319. Эти четыре: краткий, развернутый, детальный и дополнительный — четыре вида комментария: краткий (*poḷippu*) — комментарий-парафраз, кратко пересказывающий содержание текста; развернутый (*akalam*) — развернутый пересказ; детальный (*nutṭanūl*) — уточняющий комментарий, разъясняющий смысл текста; дополнительный (*eccam*) — комментарий, затрагивающий вопросы, напрямую не связанные с основным текстом.
336. Краснолисты (*puṇṇai*) — см. прим. к стиху 97.
344. Пальмира (*Borassus flabelifer*) — см. прим. к стиху 96.
356. Горец (*kuṛavan*) — член племени горцев-кураваров.
359. Нетти (*kiṭai*, более распространенное современное название — *neṭṭi*) — *Aeschynomene aspera*, водное растение.
363. Домашняя ведьма (*ilvāḷp rēy*) — букв. «живущая в доме пей». Пей — страшные демоницы, живущие в пустыне и пожирающие трупы погибших в битвах воинов.
365. Предаваясь аскезе (*tavamuyanru*)... — букв. «стараясь [обрести] *tapas*». См. прим. к стиху 195.
370. Цветочные серьги (*pūṅkuḷai*) — индийские женщины украшали уши живыми цветами. Формы серег, сделанных из драгоценных металлов, также часто напоминают цветы.
371. Продажные женщины — там. *vēcīyar* (<скр. *veśya*).
373. Маль (*māl*) — древнее тамильское божество, которое также ассоциировалось с Вишну и его аватарой Кришной.
374. Владельцы богатства, хоть на маслодавилне добытого... — комментатор отмечает, что давка масла — недостойное дело. Если торговец маслом, например, переходил кому-то дорогу, то это считалось дурной приметой.
375. Женщин, поведением сходных с угрем... — т. е. двуличных, продажных женщин, так как длинный, извивающийся в воде угорь (*malaṅku*) внешне похож и на змею, и на рыбу.

376. Андриль (*anril*) — птица, считавшая символом неразлучной любви. Часто отождествляется с птицей краунча, служащей символом неразлучности в санскритской поэзии.

381. Индрани (там. *ayirāṇi*) — супруга бога Индры.

387. Супруг (*ūran*) — букв. «житель селения» или «владыка селения», обозначающий героя преимущественно в контексте тиня марудам, основной темой которого была супружеская измена.

Туни (*tūni*) — мера объема, около 12 литров.

Падакку (*patakku*) — мера объема, около 24 литров.

Покупает и черное просо, и красное по одной цене... — комментатор сообщает, что красное просо (*ceṅkoḷ*, *Dolichos uniflorus*) было более дорогим.

388. Панан (*pānan*) — разновидность бродячих певцов. В контексте любовной поэзии пананы часто выступали в качестве посредников между героем и героиней (особенно в ситуации разлуки или размолвки). В ситуации семейной ссоры, вызванной уходом героя к куртизанке, панан выступает в качестве его посланника и содействует семейному примирению.

Левая сторона барабана — то есть та сторона, которая не используется при игре. Оставленная супругом героиня сетует на то, что ее муж забыл про нее и проводит время в обществе куртизанок, уподобленных активной правой стороне барабана.

390. Нижняя часть сахарного тростника — горькая и несъедобная.

391. Пасалей (*pacalai*) — распространенный мотив в древнетамильской поэзии: кожа разлученной с мужем героини приобретает особый бледно-желтый оттенок, свидетельствующий о ее страданиях.

392. Гром, отовсюду гремящий из туч... — четверостишие обыгрывает сюжетную ситуацию «муллей». Муж героини, отправившись в военный поход, обещал вернуться домой с началом сезона дождей. Однако сезон дождей уже начался, о чем свидетельствует гром, а герой еще не возвратился, что усугубляет страдания героини.

394. Она вину мою считает... — Стихотворение написано от лица мужа героини, затянувшего с возвращением из военного похода. Падманар считает, что оно обращено к возничему колесницы, чтобы тот поторопился.

395. Сираль (*ciral*) — зимородок, маленькая птичка, питающаяся рыбой.

396. Смогли вытерпеть каменистую пустыню... — Важным элементом развития отношений между героем и героиней в любовной поэзии является их совместный побег (там. *uṭanpōkku*) из деревни в пустыню, вызванный отказом родителей признать их отношения. В пустыне молодая пара страдает от палящего солнца, диких животных и разбойников.

Вымоченный в краске [нежнейший] хлопок... — индийские женщины красят пальцы на ногах (и руках) а также часть стопы в ярко красный цвет (обычно используется хна).

397. Писцы (там. *kaṇakkar* от скр. *gaṇaka*) — каста писцов, государственных чиновников.

398. Стихотворение написано от лица героини, обращающейся к своей подруге и посвящено предстоящему уходу в пустыню (см. прим. к стиху 396).

399. Стихотворение написано от лица матери героини и так же посвящено предстоящему уходу героини из деревни (см. прим. к стиху 396).

Стада антилоп в страхе бегут от тигров (*veṅkai*)... — возможно и иное понимание: стада антилоп в страхе бегут от цветов венгей, [принимая их за тигра]. В тамильской поэтической традиции оранжевые цветы венгея (красолиста) часто сравниваются с тигром (на основании цвета), и могут быть приняты за него.

400. Стихотворение написано от лица героини, сетующей своей подруге на уход героя в военный поход и разлуку с ним.

Трехглазый [Шива], ворона, Раху... — Ошибка Шивы состоит в том, что он сперва испепелил Каму огнем своего третьего глаза, а потом вернул ему тело. Карканье ворон обычно предвещает возвращение героя, однако может оказаться обманчивым. Асура Раху сперва проглатывает, а затем выплевывает луну обратно (см. прим. к 148), в то время как присутствие луны на небе задерживает возвращение героя из военного похода.